

$\Delta \frac{445}{51}$

Кн. Д. БАГРАТИОНЪ.

ШШ
85-2-24

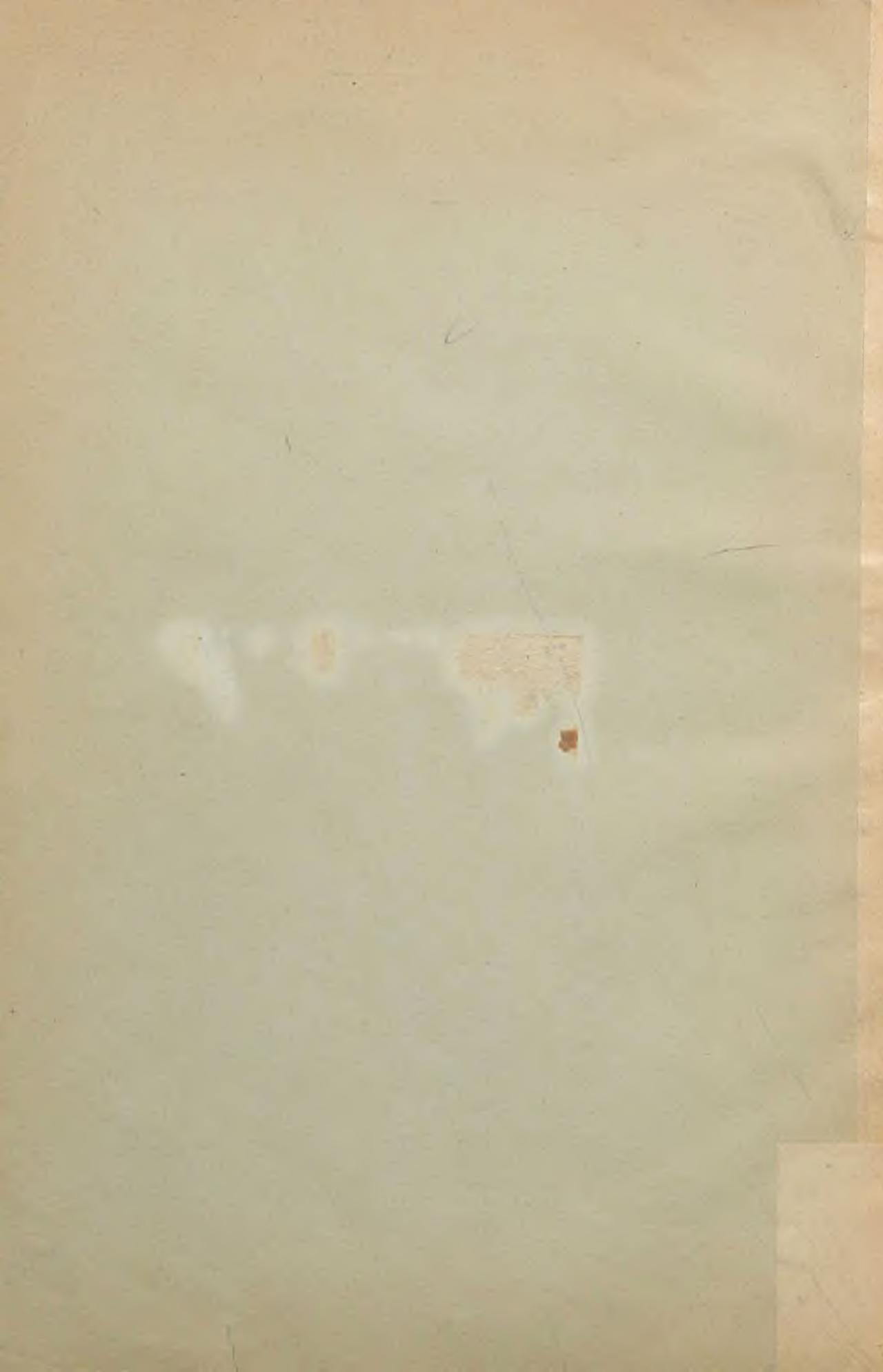
445
51
13337

**ПОДВИГЪ ТЕРСКАГО КАЗАКА
НЫНЪ ДАГЕСТАНСКАГО КОННАГО ПОЛКА
ПОРУЧИКА КИБИРОВА,
УНИЧТОЖИВШАГО АБРЕКА ЗЕЛИМХАНА.**

ПЕТРОГРАДЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская, 11.
1914.

86

КНИГА ИМЕЕТ

бухгалтер

Печатн. листов	
Выпуск	
В перепл. однп. соедин. №№ выд.	
Таблиц	
Карт	
Иллюстр.	
Служебн. №№	
№№ списка в порядковом	
1948 г.	

д. 39 г. 300 руб

31/2

1

—

Δ 445/51

—

—

Код

13/430

705

Wd

Кн. Д. БАГРАТИОНЪ.

85-2-24

49
Б146пт

13337

ПОДВИГЪ ТЕРСКАГО КАЗАКА

НЫНЪ ДАГЕСТАНСКАГО КОННАГО ПОЛКА ПОР. КИ-
БИРОВА, УНИЧТОЖИВШАГО АБРЕКА ЗЕЛИМХАНА.

ПЕТРОГРАДЪ.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская, 11.

1914.

2007241680

13337

«Приемы военной сметки и удалства
въ тактикѣ не преподаются».

Ген. Риттихъ.

«Смѣлость сама по себѣ есть сила».

Де-Бракъ.

«Военная удача всегда была дѣтн-
щемъ дерзости».

Кребильонъ.

«Если вы не убьете врага, онъ убьетъ
васъ—этимъ можно заставить драться
ангеловъ».

Наполеонъ.

(Изъ «Памятки кавалериста». Без-
смертнаго).

Послѣднія двѣ войны, какъ нельзя лучше, подтвердили необходимость при-
нять мѣры къ развитію въ корпусѣ офицеровъ проявленія личной военной иници-
ативы ¹⁾ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ сообразно съ масштабомъ служебной
сферы офицера, во всѣхъ родахъ войскъ, а въ конницѣ—въ особенности. Только
тотъ изъ г.г. офицеровъ сумѣетъ успѣшно вести бой въ современной сложной
обстановкѣ войны, кто съ юныхъ лѣтъ позаботится развить въ себѣ способность
разумно проявлять личную инициативу. Это будетъ вѣрная аттестація его служеб-
ныхъ и нравственныхъ качествъ.

Въ Бозѣ почившій, Великій Князь Николай Николаевичъ, въ своихъ прика-
захъ по кавалеріи неоднократно указывалъ на эту сторону самообразования офи-
церовъ какъ до кампаніи 1877—78 г.г., такъ и послѣ нея.

Августѣйшій генераль-инспекторъ требовалъ, чтобы взводные офицеры были
дѣйствительными командирами въ періодъ одиночной подготовки всадниковъ по
всѣмъ отраслямъ кавалерійской службы. До 1874 года это легче было выполнять,
такъ какъ рекрута подучались въ резервныхъ эскадронахъ, не нарушая этимъ
взводной организаціи въ періодъ одиночныхъ занятій. Приходили въ эскадроны не
новобранцы, а уже подученные молодые всадники, вливаясь въ старые ряды.

Жизненная обстановка въ дикой кавказской природѣ, въ которой съ юныхъ
лѣтъ выросъ Терскій казакъ Черноярской станицы Георгій Алексѣевичъ Кибировъ,

1) Военная инициатива есть всякое, быстро соображенное и выполненное дѣйствіе, которое даетъ
возможность поставить въ данный моментъ противника въ невыгодное положеніе, упредивъ исполненіе
его намѣреній. Преимущество инициативы выражается именно въ неожиданности, озадачивающей
и смущающей противника. (Т. X, стр. 124 «Больш. Энцикл.»).

послужила, такъ сказать наковальней, на которой выковались желѣзное здорье ¹⁾, стальная воля и рѣшительный характеръ, тонкая военная наблюдательность, гибкая сообразительность, военная отвага до дерзости, самообладаніе и необходимая осторожность. Отъ природы настойчивый, Кибировъ унаслѣдовалъ казачью сметку, одобренную военной хитростью, которыя, съ теченіемъ лѣтъ, дали возможность моментально оцѣнивать данную обстановку, результатомъ чего всегда является способность къ быстрымъ планомѣрнымъ дѣйствіямъ. Словомъ, условія быта Кавказскаго казака, въ постоянной опасности за свою жизнь, бокъ о бокъ съ горцами разноплеменнаго населенія, въ особенности въ Терской области, представляютъ собою незамѣнимую школу для выработки наилучшихъ боевыхъ качествъ.

Лермонтовъ въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ такъ рисуетъ эту обстановку:

«Дики тѣхъ ущелій племена:
Ихъ богъ—свобода, ихъ законъ война,
Они растутъ въ разбояхъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ»...

Въ другомъ его произведеніи лира поэта-кавалериста еще благозвучнѣе поетъ:

«Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ,
Въ горахъ безмолвіе ночное,
Казакъ усталый задремалъ,
Склонись на копѣ стальное.
Не спи казакъ, во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой»..

Семья Кибировыхъ съ давнихъ лѣтъ вошла въ Терское казачье войско. Его дѣды ²⁾, со стороны отца и матери,—старые рубаки, оставившіе славные завѣты потомству: «служить вѣрой и правдой Его Величеству и Россіи».

Въ 1895 году Г. А. Кибировъ зачисленъ на службу въ 1-й Горско-Моздокскій полкъ, гдѣ служилъ и его дѣдъ до чина майора, и современникомъ его былъ, израненный въ болахъ, дѣдъ по матери, Гагенаевъ. Окончивъ учебную команду, Георгій Кибировъ произведенъ сначала въ приказные, затѣмъ въ 1896 году въ урядники, а черезъ два года назначенъ въ Собственный Его Величества конвой въ л.-гв. 4-ю Терскую казачью сотню. По окончаніи обязательнаго срока оставленъ на сверхсрочной службѣ съ 1899 года и награжденъ серебрянымъ шеврономъ, затѣмъ переведенъ въ 3-ю сотню, а 6-го іюня 1902 года, для поступленія въ Николаевское кавалерійское училище, уволенъ въ Терское войско съ награжденіемъ, собственноручно Его Величествомъ, знакомъ за службу въ конвоѣ. 6-го августа того же года определенъ въ училище, гдѣ пробылъ до марта 1904 г. и вслѣдствіе войны, не докончивъ второго курса, по собственному желанію, определенъ охотникомъ во 2-ой Дагестанскій конный полкъ, во 2-ю сотню подполковника Алиханова, затѣмъ подбесаула Бискупскаго. Коня купилъ себѣ на театрѣ военныхъ дѣйствій за 250 руб.—дончака 10-ти лѣтъ, 3-хъ вершк. На немъ прослужилъ

¹⁾ Будучи рапенымъ въ 10¹/₂ час. вечера первымъ же выстрѣломъ Зелимхана разрывной пулей съ раздробленіемъ кости правой руки, Кибировъ, лежа въ цѣпи и истекая кровью, продолжалъ до 6-ти час. утра, подъ проливнымъ дождемъ, распоряжаться боемъ, доведя его до конца. Только послѣ того команда узнала, что начальникъ тяжело раненъ. Весь бешметъ былъ пропитанъ кровью.

²⁾ Происходятъ изъ Осетіи.

всю кампанію и продалъ въ Харбинѣ ротмистру пограничной стражи за 500 руб.

11-го октября 1904 года «за мужество и храбрость, оказанныя въ разновременныхъ бояхъ съ японцами», награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена 4-й степени за № 98625. 12-го іюля 1905 года «за отличія въ бояхъ» награжденъ чиномъ прапорщика, 18-го августа, приказомъ по 2-й Маньчжурской арміи, награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена 3-й степени за № 16834, 1-го сентября «за отличіе въ дѣлахъ противъ японцевъ» награжденъ орденомъ Св. Анны

Поручикъ Кибировъ.

4-й степени. Приказомъ главнокомандующаго отъ 26-го октября того же года за разновременныя отличія въ бояхъ награжденъ чиномъ хорунжаго.

Послѣ заключенія мира командированъ въ Дагестанскій конный полкъ впрередъ до перевода и, съ Высочайшаго соизволенія, 26-го іюня 1907 года прикомандированъ къ Оренбургскому казачьему училищу. По собственному желанію, отчисленъ въ полкъ въ гор. Грозный 12-го сентября 1908 года, а въ августѣ 1909 года временно командовалъ 4-й сотней. Съ 3-го октября 1910 года, по производствѣ въ поручики, командированъ съ 3-й сотней для содѣйствія гражданскимъ властямъ, и съ этого времени вновь начинается боевая служба поручика Кибирова на Кавказѣ противъ внутреннихъ враговъ.

Опытъ минушей войны и, въ частности, развѣдки съ боемъ, благодаря наблюдательности поручика Кибирова, дали ему много споровокъ, пригодившихся при выполненіи труднѣйшаго порученія, успѣшное окончаніе котораго зависѣло, по мнѣнію Кибирова, оттого, насколько удастся ему всесторонне изучить характеръ дѣйствій Зелимхапа, его, такъ сказать тактику, и моральныя свойства личности неуловимаго абрека. вмѣстѣ съ тѣмъ, громадное значеніе Кибировъ придавалъ и воспитанію его подчиненныхъ, подмѣтивъ, что 18-ти и 19-ти-лѣтніе всадники ¹⁾

¹⁾ Пор. Кибировъ завѣдывалъ обученіемъ молодыхъ всадниковъ Дагестанцевъ. Въ послѣдніе годы поступаютъ большинство 18—20-ти лѣтъ. Есть даже семнадцатилѣтніе.

легче воспринимают приемы воинского искусства, скорее проникаются сущностью дисциплины, с большим увлечением относятся к службам, проявляя необходимый задор и неуправляемую отвагу при соревновании. Воздействуя на последнее чувство, офицеру легко воспитать этих юношей так, что они сольются с ним в одну душу, будут без слов понимать его мысли и малейшие желания. При такой спайке начальнику достаточно указать только жестом и приказание будет выполнено.

В таких началах Кибиров воспитал 25 своих всадников, из которых большинство поступили на службу 17-ти и 18-ти лет от роду.

Чтобы легче объяснить причину успешного исполнения только с 25-ю всадниками Кибировым опасного поручения, которое не удавалось выполнить отряду из 3-х родов войск в течение почти 15-ти лет борьбы с абреком, необходимо упомянуть и о том, что поручик Кибиров признавал насущной потребностью самое подробное ознакомление всей команды с местностью, на которой хозяйничал Зелимхань. Поручик Кибиров отлично учел, что Зелимхань, узнав о возвращении своей семьи из ссылки и о пребывании ее в Грозном, конечно, будет держаться недалеко от этого города, скрываясь в глухих местах окрестных гор. С целью изследовать такие укрытия, он пользовался каждым случаем, чтобы дать практику своим всадникам в ознакомлении с окрестностями, поучая приемам скрытного подхода к намеченному пункту в конном строю и спешиваясь. Задавал неожиданные задачи, ставя критические условия для себя и предвзвешивая удобства для противника. Подмечив, что Зелимхань имел наибольший успех, действуя в темноте, Кибиров уделял особое внимание приучению к выездам ночью, для чего, выезды производил в разное время дня и ночи, а с момента получения секретного предписания поездки эти совершал внезапно, по тревоге, нередко по два раза в сутки, то к вечеру, то в глубокую ночь, то в предразсветной мгле с сохранением каждый раз полной тайны, куда и зачем выйдут, и объясняя людям цель непосредственно перед приближением к намеченному пункту. В таком тренинге он держал команду своих молодцов в течение последних месяцев и наэлектризовал людей до высшего градуса. Пользуясь пребыванием семьи Зелимхана в Грозном, поручик Кибиров многократно посещал ее, стараясь со слов семьи узнать детали характера Зелимхана, его образ мыслей, привычки и закулисную сторону жизни абрека, а также выучил несколько «обиходных» фраз разговорного языка чеченцев, стараясь уловить особенность произношения и парфичья.

Вооружившись такими сведениями о своем противнике и вытрепировав молодецкую команду в желаемом направлении, поручик Кибиров не считал еще законченной подготовку к предстоящему боевому столкновению с искусным и опытным абреком, терроризировавшим все население 15-ти летней своей кровавой деятельностью. Часть населения его боялась, часть сочувствовала ему, а часть была убеждена, что от Зелимхана пули отскакивали, многие же верили серьезно, что он второй Шамиль, тем более, что и местность была та же, сохранились даже названия городов, селений и аулов, связанных с воспоминаниями о легендарном имаме Шамиле, поэтому имя последнего и Зелимхана были для многих синонимом. По слухам и даже доносениям, пойманный и убитый не раз, Зелимхань вновь воскресал за 50—70 верст, подтверждая лишь свою

неуязвимость. На самомъ же дѣлѣ никто никогда не видѣлъ Зелимхана въ лицо, настолько остороженъ былъ грозный абрекъ, неоднократно оставлявшій записку съ именной печатью, точно подтверждая свое пребываніе среди лицъ, которыхъ онъ посѣщалъ, искусно загримировавшись. Поручикъ Кибировъ эту сторону дѣятельности абрека особенно учелъ и другого пособія для скорѣйшаго успѣха, какъ шпіонажъ, не находилъ возможнымъ примѣнить, а потому использовалъ всѣ, доступныя ему, средства и организовалъ со всею предусмотрительностью и осторожностью этотъ военный пріемъ въ самые послѣдніе дни, зная, какъ непродолжительно удерживается въ тайнѣ развѣдка шпіонажемъ. Если бы подготовка Кибирова раскрылась преждевременно, ему не удалось бы свиданіе съ Зелимханомъ.

Послѣ всего изложеннаго не будетъ съ нашей стороны излишней нескромностью высказать мнѣніе, что для такихъ офицеровъ движеніе по строевой службѣ не должно быть обыденнымъ, несмотря на то, что выпускного экзамена передъ комиссіей Кибировъ не держалъ, но зато на глазахъ подчиненныхъ доказалъ высокую степень офицерскаго достоинства, блестяще исполнивъ долгъ присяги и запечатлѣвъ его кровью. Чтобы возложить такое отвѣтственное порученіе на офицера, начальнику, конечно, необходимо близко знать своихъ подчиненныхъ, что и доказалъ наказной атаманъ Терскаго войска генералъ Флейшеръ, предоставившій начальнику отряда, полковнику Маргани, возложить поимку Зелимхана на одного изъ самыхъ лихихъ взводныхъ командировъ Дагестанцевъ, давъ ему полную самостоятельность дѣйствій. Фактъ этотъ лишній разъ подтверждаетъ огромное значеніе, при сокращенныхъ срокахъ службы, обученія взводовъ лично своими командирами, младшими офицерами, какъ основного звена всей арміи. Только этимъ путемъ младшій офицеръ подготовится къ проявленію инициативы, и установится духовная связь во всей толщѣ арміи.

Во время моей служебной командировки во Владикавказъ, въ сентябрѣ 1913 года, мнѣ пришлось видѣть раннимъ утромъ 25-го сентября ¹⁾ слѣды разгрома въ ту же ночь магазина золотыхъ и серебряныхъ вещей шайкой горцевъ. Еще лежали на улицѣ трупы жертвъ этого нападенія, совершеннаго съ неслыханною дерзостью въ центрѣ областного города. Съ разныхъ сторонъ спустились съ окрестныхъ горъ 20 — 30 учениковъ Зелимхана или его подражатели, спѣшились на окраинахъ Владикавказа и въ 2 часа ночи, пользуясь отсутствіемъ освѣщенія въ городѣ, пробрались къ магазину Шихмана на центральной бульварной улицѣ, называемой Александровскій проспектъ, открыли частый огонь по всѣмъ направленіямъ, выпустивъ до 1.000 пуль, ограбили и черезъ 15 минутъ скрылись безслѣдно. 27-го сентября въ Пятигорскѣ я прочиталъ въ газетахъ первое извѣстіе объ уничтоженіи Зелимхана.

Возвращаясь изъ вторичной командировки 26-го ноября и выходя изъ поѣзда на Николаевскомъ вокзалѣ, я увидѣлъ на платформѣ, только что пріѣхавшаго также съ этимъ поѣздомъ, офицера въ Дагестанской формѣ съ подвязанной и забинтованной рукой, поддерживаемаго фельдшеромъ. На блѣдномъ, исхудаломъ лицѣ его отражались пережитыя страданія. Подойдя къ нему и познакомившись, я узналъ, что это и есть раненый поручикъ Кибировъ, избавившій Терскую область отъ грознаго абрека Зелимхана, неуловимаго въ теченіе 15 лѣтъ, въ борьбѣ съ кото-

1) Въ слѣдующую ночь, то есть съ 25-го на 26-е сентября, Зелимханъ уже былъ убитъ.

рымъ погибло 230 нижнихъ чиновъ, до 60-ти начальствующихъ лицъ и болѣе 100 туземцевъ.

Разбой на Кавказѣ непрерывны со времени покоренія его, и войскамъ, тамъ расположеннымъ, памятны имена всѣхъ грозныхъ главарей разбойничьихъ шаекъ. Многіе изъ нихъ были изловлены и казнены. Такъ, былъ пойманъ, оперировавшій съ шайкой на военно-грузинской дорогѣ, красавецъ осетинъ Алдатовъ, въ дѣтствѣ учившійся во Владикавказской русской школѣ. Вслѣдствіе чьей-то несправедливости къ нему, онъ убилъ обидчика и сдѣлался абрекомъ. Его повѣсили.

Громче другихъ, въ 80-хъ годахъ, произносилось имя неуловимаго Абдуль-Керима, преслѣдовать котораго назначенъ былъ особый отрядъ. Но Керимъ, какъ духъ, перелеталъ изъ одной губерніи въ другую, нерѣдко дѣлая по сто верстъ въ ночь на своемъ великолѣпномъ кабардинцѣ, неожиданно появляясь даже на благотворительномъ гуляніи, щеголевато одѣтымъ, какъ это было въ Елизаветполѣ, гдѣ онъ заплатилъ 24 руб. за бутоньерку, сказавъ продавщицѣ: «Бѣднымъ — отъ Абдуль Керима ¹⁾». Населеніе укрывало абрека, поэтому изловить его такъ и не удалось. Онъ скрылся въ Персію, гдѣ долго былъ начальникомъ курдской конницы. Умеръ относительно недавно, нѣсколько лѣтъ назадъ. Одновременно съ Керимомъ въ Кибинскомъ уѣздѣ разбойничала шайка Мешада-Меджида, бѣжавшаго съ каторги. Знаменитъ онъ, между прочимъ, тѣмъ, что ограбилъ безстрашнаго командира Ширванскаго полка полковника Липевича (впослѣдствіи генераль-адъютантъ, герой Пекина и Японской войны), когда послѣдній возвращался ночью одинъ въ экипажѣ изъ Дербента въ урочище Кусары. Меджидъ подкараулил его, окруживъ шайкой въ 10 человекъ, и, остановивъ лошадей, сказалъ: «Деньги, ага!» «Всякое сопротивленіе было немыслимо, пишетъ Козачковскій, и полковникъ отдалъ бумажекъ. Примчавшись въ штабъ-квартиру, полковникъ Липевичъ по тревогѣ выслалъ черезъ 10 минутъ учебную команду, которой удалось въ перестрѣлкѣ убить 2-хъ разбойниковъ изъ шайки, но главарь Меджидъ удралъ. Черезъ два года одинъ изъ шайки его выдалъ, и знаменитый абрекъ былъ повѣшенъ близъ г. Кубы при стеченіи 10-ти тысячъ лезгинъ».

Пресмникомъ его сдѣлался лезгинъ каторжникъ Шихъ-Заде (1893—94 годъ), а правой рукой у него былъ бѣглый сахалинецъ, одноглазый лезгинъ—Салманъ, прозванный за жестокость «звѣрь-человѣкъ», передъ смертью вырывавшій своимъ жертвамъ зубы. Шайка состояла изъ 16-ти головорѣзовъ. Они оперировали на сельдяныхъ промыслахъ по берегу Каспійскаго моря, обложивъ рыболововъ данью. Шайка совершила 56 убійствъ и была изловлена приставомъ Жуковымъ. Во время перестрѣлки Заде былъ убитъ, а шайка сдалась. 8 изъ нихъ были казнены весною 1895 года.

Далѣе длинный списокъ разбойниковъ, имена которыхъ передаются въ легендахъ, возбуждая подражаніе въ темной массѣ дикихъ горцевъ Кавказа, таковы: Абдуль изъ Казьяна, Талыбъ и Гейдаръ, Сафтаръ и Пугай, Муродъ, Заидъ ²⁾.

¹⁾ Н. Козачковскій: «Разбой на Кавказѣ».

²⁾ Заидъ удралъ въ 1904 году въ Константинополь, откуда прислалъ телеграмму своему дядѣ, муллѣ Джуруллу, а во время смуты въ концѣ 1906 года возвратился и былъ убитъ въ слѣдующемъ году.

Иски ¹⁾, лезгины Мамедъ-Али и Али-Баба (1905 г.), красавецъ чеченецъ Османъ Мутуевъ, въ шайкѣ котораго одно время проходилъ «курсы» разбоя и Зелимханъ. Шайка эта взяла въ плѣнъ на Керкетскомъ перевалѣ въ концѣ іюля 1905 года инженера-химика Байздренка и богатаго коммерсанта Хрѣнова, откупившихся 2 тысячами руб. Отецъ Мутуева былъ сподвижникъ Шамилля. Османъ въ дѣтствѣ окончилъ горскую школу, въ такой же школѣ учился и Зелимханъ ²⁾, о которомъ дальше подробно расскажетъ Г. А. Кибировъ, рана котораго въ теченіе 7-ми мѣсяцевъ еще не зажила, несмотря на образцовое лѣченіе въ клиническомъ госпиталѣ въ Петербургѣ. Поручикъ Кибировъ прикомандированъ къ главному упр. государственнаго копозаводства.

Кромѣ убійствъ, Зелимханъ изощрялся еще въ добываніи денегъ взятіемъ въ плѣнъ капиталистовъ, которыхъ держалъ при себѣ до тѣхъ поръ, пока родственники не уплатятъ ему назначенную сумму за выкупъ плѣнника. Иной разъ присылалъ намѣченному капиталисту «требованіе положить извѣстную сумму въ назначенномъ пунктѣ и въ извѣстномъ часу». Первое время по такому предписанію рѣшались не давать денегъ, но печальный опытъ двоихъ, поплатившихся головою, побудилъ послѣдующихъ быть исполнительными, тѣмъ болѣе, что Зелимханъ въ своихъ «предписаніяхъ» всякій разъ напоминалъ о смерти. Угроза приводилась въ исполненіе вновь поступающимъ членомъ шайки. Зелимханъ говорилъ новичку такъ: «сними голову такому-то, тогда будешь принятъ».

За послѣднее время изъ Кизляра были взяты въ плѣнъ и откупилась слѣдующія лица: Мѣсяцевъ — 40 тысячъ, А. Бредихинъ — 22 тысячи, его братъ — 18 тысячъ, Серебряковъ — 15 тысячъ, племянникъ Бредихина былъ взятъ среди бѣла дня и пропалъ безъ вѣсти.

Послѣ уничтоженія Зелимхана очень многіе рѣшились сознаться въ «аккуратномъ исполненіи предписаній абрека по доставкѣ десятковъ тысячъ рублей».

Когда, распоряженіемъ правительственной власти, налагались на населеніе денежные штрафы за «сокрытіе абрека», то Зелимханъ, получивъ отъ богачей «выкупные платежи», часть послѣднихъ выдавалъ бѣднѣйшимъ жителямъ въ двойномъ размѣрѣ противъ того, сколько съ нихъ причиталось правительственнаго штрафа. Слѣдствіемъ этого укрывательство Зелимхана было вполнѣ обезпечено. Вообще дальновидность и здравый смыслъ легендарнаго абрека были удивительны. Система, по которой онъ организовывалъ шайку, и продуманность нападений паразитически, рпеуя наличие недюжиннаго административнаго ума и способности распорядиться.

Прежде чѣмъ излагать рассказъ Кибирова, набросаемъ вкратцѣ совершенныя Зелимханомъ звѣрства.

1) Въ 1899 году онъ со своимъ отцомъ лично убилъ во дворѣ аула Хорачой своихъ же одноаульниковъ чеченцевъ Шуганба и его отца.

¹⁾ Иски былъ головорѣзъ по профессіи: убивалъ въ теченіе 10-ти лѣтъ всякаго, кого встрѣтитъ. Его окружили въ глухомъ лѣсу въ горахъ и все-таки не могли отыскать. Оказалось, убѣжищемъ его было 15-ти сажениное дерево, наверху котораго разбойникъ устроилъ себѣ шалашъ. Убилъ его пастухъ прослѣдившій абрека въ кукурузѣ, гдѣ онъ спалъ.

²⁾ Несомнѣнно, что Зелимханъ готовился быть вторымъ Шамлемъ, каковая мысль зародилась у него во время дружбы съ Османомъ.

2) Въ 1901 г. Зелимханъ бѣжалъ изъ Грозненской тюрьмы, заколовъ часового.

3) Черезъ нѣкоторое время застрѣлилъ въ квартирѣ начальника Веденскаго округа, который, какъ будетъ сказано ниже, арестовалъ Зелимхана и предалъ его суду за убійство Шугаба.

Затѣмъ идетъ рядъ дерзкихъ нападеній и разбоевъ:

4) На Грозненскій вокзалъ.

5) Неудавшееся плѣненіе миллионера Максимова среди бѣла дня въ Грозномъ.

6) Ограбленіе днемъ Кизлярскаго казначейства, сопровождавшееся пелыханной смѣлостью, причемъ Зелимханъ былъ одѣтъ въ формѣ подъесаула Терскаго войска, а шайка казаками. Всѣ 30 человекъ были верхомъ на прекрасныхъ кабардинскихъ коняхъ. Передъ организованіемъ шайки Зелимханъ производилъ всѣмъ вступающимъ «пріемный экзаменъ въ головорѣзномъ искусствѣ».

Требовались отборные кони, отличное снаряженіе, оружіе и умѣніе владѣть имъ въ совершенствѣ.

Матеріальная часть, конечно, была добыта грабежомъ у горцевъ и казаковъ. О своемъ «абречьемъ походѣ на Кизляръ» Зелимханъ торжественно объявилъ въ письмѣ начальнику округа Вербицкому.

7) Затѣмъ слѣдуетъ звѣрская засада, устроенная Зелимханомъ въ Ассишскомъ ущельѣ отряду стражниковъ и Дагестанцевъ подъ командой князя Андронникова послѣ ареста семьи Зелимхана.

8) Не менѣе кровопролитна была засада Зелимхана на Керкетскомъ перевалѣ при ограбленіи инженеровъ, причемъ былъ убитъ есауль Долидзе, одиннадцать человекъ Дагестанцевъ и 4 инженера. Поручикъ Кибировъ засталъ на шоссе, еще не совсѣмъ остывшія, тѣла своихъ однопольчанъ, и окровавленный видъ этихъ дорогихъ его сердцу Дагестанцевъ, особенно повліялъ на поручика, вызвавъ въ его сердцѣ твердое рѣшеніе, какой бы то ни было цѣной, отплатить абреку, загубившему жизнь 12-ти благородныхъ воиновъ, честно исполнявшихъ долгъ присяги.

Подробное описаніе всѣхъ кровавыхъ дѣлъ Зелимхана потребовало бы тысячи страницъ. Матеріаль этотъ съ иллюстраціями (до 1910 г.) собранъ въ книгѣ В. Козачковскаго и въ самой сжатой формѣ изложенъ на 30-ти страницахъ. По нимъ читатель можетъ составить себѣ понятіе, какой звѣроподобный человекъ былъ самъ Зелимханъ и какихъ головорѣзовъ подбиралъ онъ себѣ въ шайку, численный составъ которой онъ измѣнялъ въ зависимости отъ масштаба разбоя или набѣга.

Послѣ того, какъ были убиты Беноевцами его отецъ и братъ Султамуратъ, также абреки его шайки, при Зелимханѣ болѣе продолжительное время оставались младшій братъ и два абрека — чеченецъ Аюбъ и ингушъ «безпощадный» Саламбекъ¹⁾, съ именами которыхъ связаны самые дерзкіе разбои. Аюбъ былъ убитъ въ с. Старые Атоги Кизлярско-Гребенскими казаками, 6-й сотней которыхъ временно командовалъ подъесауль Кибировъ (Павелъ), братъ Георгія Кибирова.

¹⁾ Въ Кизлярскомъ набѣгѣ на казначейство Аюбъ завѣдывалъ чеченскимъ полувзводомъ, а Саламбекъ 15-ю ингушами. Отъ руки этихъ двухъ абрековъ погибли въ этомъ разбоѣ 4 унт.-офицера и 7 рядовыхъ изъ частей Кизлярскаго гарнизона, прибывшихъ по тревогѣ. Зелимханъ на конѣ стоялъ на берегу Терека и бросился въ рѣку послѣднимъ при отступленіи подъ огнемъ. Одна изъ прекрасныхъ лошадей Зелимхана имѣется въ Дагеставскомъ конномъ полку.

9) Дерзкое по замыслу ограбленіе на 1 миллионъ руб. банка въ Грозномъ во время ярмарки не удалось. Хотя присутствіе въ этомъ дѣлѣ Зелимхана фактически не подтверждается, равно какъ вызываетъ теперь сомнѣніе присутствіе его въ пещерѣ у Хорачоя, откуда будто бы чудомъ спасся Зелимханъ. Если бы ему удалось добыть миллионъ руб. въ Грозномъ, то будто бы Зелимханъ уже готовъ былъ объявить себя имамомъ—преемникомъ дѣяній Шамиля, поднявъ общее возстаніе на Кавказѣ.

Кибировъ, хорошо ознакомившись съ бытовымъ укладомъ жизни въ Чечнѣ, полагаетъ, что Зелимханъ въ состояніи былъ бы осуществить это.

Поставивъ себѣ цѣлью ближе изучить прошлое Зелимхана и обстановку, повліявшую на психологію, образъ мыслей и характеръ неуловимаго абрека, Кибир-

Семья разбойника Зелимхана: въ центрѣ его жены Бити и Хаджата.

ровъ продолжительное время непосредственно наблюдалъ за бытовыми чертами жизни чеченцевъ, присматриваясь къ деталямъ отношеній между мюридами и шейхами, для чего счелъ необходимымъ побывать у послѣднихъ.

Ниже излагаемъ его рассказъ, записанный мною во время нѣсколькихъ вечернихъ бесѣдъ съ поручикомъ Кибировымъ, поразительная скромность котораго обрисовала въ немъ наличіе истинной героической патуры, столь присущей нашимъ молодцамъ казакамъ, наблюдательность которыхъ и военная сметка суть наслѣдственный божій даръ этой единственной въ мірѣ «породы военныхъ людей».

I.

Изъ всѣхъ народностей Кавказа дикій обычай кровавой мести тщательно сохраняется до нашихъ дней среди чеченцевъ, населяющихъ отдаленные аулы въ сѣверо-восточной части Кавказскихъ горъ, входящихъ въ территорію Терской обл.

Тѣмъ не менѣе, съ проведеніемъ Владикавказской желѣзной дороги, культурныя начала постепенно проникаютъ въ прилегающую къ ней полосу Чечни. Въ этомъ районѣ очень многіе изъ чеченцевъ уже занимаются торговлей въ широкихъ размѣрахъ, въ особенности городскіе жители. Такъ, въ г. Грозномъ самый богатый магазинъ и лучший домъ принадлежатъ чеченцу Гиха Маціеву, сыновья котораго уже окончили реальное училище, а дочери замужемъ за офицерами. Чеченецъ Маціевъ совершенно мирный, очень религіозный человекъ, почетный членъ благотворительныхъ обществъ, строитель нѣсколькихъ русскихъ школъ и пр.

Во Владикавказѣ также не мало богатыхъ чеченцевъ, ведущихъ оптовую торговлю, имѣющихъ собственные богатые дома. Другая часть чеченцевъ занимается земледѣліемъ и рѣдко кто скотоводствомъ.

Сословнаго раздѣленія у чеченцевъ нѣтъ, и жители ауловъ дѣлятся лишь по древнимъ именамъ «шейховъ»¹⁾. Шейху поклоняются, какъ святому, и приверженцы (мюриды) одного шейха уже въ душѣ непримиримые враги другого. Споры о достоинствахъ шейховъ не рѣдко переходятъ въ кровавую рѣзню, дающую начало кровавой мести и образованія цѣлой цѣпи «кровниковъ»: братъ за брата или родственникъ, хотя бы дальній, долженъ отомстить за кровь убитаго родного самаго отдаленнаго. Родственники и даже свойственники живутъ дружно на началахъ «одинъ за всѣхъ и всѣ за одного».

Шейхи образуются изъ числа религіозныхъ фанатиковъ, побывавшихъ на поклоненіи въ Меккѣ возможно большее число разъ. Большинство шейховъ старики, и рѣдко кому удается быть шейхомъ ранѣе 50-ти лѣтъ. Живутъ шейхи въ большихъ горныхъ аулахъ, и усадьбы ихъ обставлены очень богато. По внутреннему убранству домъ шейха нисколько не напоминаетъ о монашескомъ образѣ жизни, а скорѣе представляетъ музей драгоценнаго стариннаго оружія, восточнаго стиля, турецкаго, персидскаго, китайскаго, арабскаго и прочихъ азіатскихъ народностей. Повсюду на стѣнахъ блескъ золота и драгоценныхъ камней: рѣдкія шапки, ятаганы, кинжалы, пистолеты и ружья.

На коношнѣ шейха два, три превосходныхъ коня, тонко выѣзженныхъ лучшими джигитами и, конечно, подведенныхъ шейху «въ пенкешъ» — подарокъ вмѣстѣ съ сѣдломъ, украшеннымъ драгоценностями.

Братію «воинственнаго настоятеля» монастыря, какъ говоритъ Кибировъ, составляютъ «мюриды» — ближайшая охрана шейха. Почти все населеніе аула, гдѣ живетъ шейхъ, — мюриды, поголовно женатые, имѣющіе по 2—3 жены. У одного шейха бываетъ до 10-ти тысячъ мюридовъ окрестныхъ ауловъ; они вмѣстѣ съ семьями воздѣлываютъ землю своего шейха и выполняютъ на него всѣ обыденныя работы, для чего съ утра ежедневно являются 5—6 мюридовъ, вооруженныхъ кинжалами и винтовкой, и остаются цѣлые сутки въ усадьбѣ шейха.

Каждый мюридъ, чтобы онъ ни привезъ изъ города, десятую часть отдаетъ шейху, а если продастъ что либо, на примѣръ, лошадь за 100 руб., то шейху несетъ 20—25 руб. Эта дань шейху называется «садагу».

¹⁾ Шейхъ по арабски «старецъ» — старшина, вождь, а также главный проповѣдникъ. Глава религіознаго ордена Шейхъ-уль-исламъ называется въ Турціи глава магометанскаго духовенства, иначе «великій муфтіи». Ученики шейха Магомета — мюриды образовали на Кавказѣ въ 1828 году секту для борьбы съ невѣрными. Глава этой секты послѣ Магомета — имамъ Кази Мулла погибъ въ сраженіи при Гимри, послѣ него имамомъ сдѣлался Шамиль.

Городскіе чеченцы, вмѣсто «садагу», платятъ за постройку мечети большую часть ея стоимости. По психологич. мюрида, онъ убѣжденъ, что, уплачивая «садагу», онъ пріобрѣтаетъ у шейха прощеніе всякаго грѣха: воровства и убійства, въ особенности за предѣлами Чечни.

Лишній разъ сотворитъ намазъ—помолиться достаточно, чтобы Аллахъ черезъ шейха простилъ. Семью шейха обслуживаютъ ближайшія родственницы. Кромѣ того, если жены шейха особенно религіозны, къ нимъ приходятъ для услуженія 5—6 лучшихъ чеченокъ дѣвушекъ 16—20-ти лѣтъ, всегда одѣтыхъ въ чистыя бѣлыя одежды. Это самыя красивыя дѣвушки изъ всей Чечни. Онѣ же и сѣдлаютъ лошадь шейху, до сѣдла котораго можетъ дотронуться только «красавица». Отслуживъ шейху недѣлю, эти своего рода весталки смѣняются такими же красавицами. Если красавица приходится родственницей шейху, то не рѣдко послѣ такой «придворной службы» при шейхѣ прямо выходитъ замужъ.

Чтобы жениться, каждый мюридъ долженъ уплатить отцу невѣсты 50 руб. за дѣвушку, а за дочь вдову—15 руб. Деньги эти невѣста привозитъ молодому мужу, а приданое дѣлаетъ отецъ. Въ случаѣ развода мужъ возвращаетъ деньги отцу.

Шейхъ имѣетъ у себя во дворѣ молельню (мечеть), гдѣ самъ и живетъ, но къ обѣду выходитъ въ сосѣднюю съ мечетью комнату и тогда сюда входятъ для прислуживанія жены или «весталки». Женщины ѣдятъ послѣ мужчинъ. Порядочный мюридъ-чеченецъ, по обычаю, не подаетъ руки женщинѣ, лишь ближайшіе родственники при встрѣчѣ три раза обнимаются, но отнюдь не цѣлуются.

Если какъ нибудь ошибется, что бываетъ очень рѣдко, то тотчасъ дѣлаетъ намазъ (омовеніе и молитва). Въ каждомъ аулѣ имѣется большая общая мечеть (джюма), куда мулла съ вышки минарета собираетъ прихожанъ протяжнымъ напѣвомъ: «Псемиллахъ Аллахъ Ирахманъ Ирахимъ! (Праведники, къ Богу и пророкамъ)».

Когда мулла сойдетъ съ минарета, мюриды, снявъ обувь, а дома предварительно умывшись, входятъ въ мечеть за муллой, который становится впереди, а за нимъ размѣщаются мюриды стройными шеренгами и повторяютъ всѣ его движенія и колѣнопреклоненія.

Вмѣсто алтаря, на возвышеніи передъ муллой лежитъ коранъ, по которому онъ читаетъ и поетъ. Последнее пѣснопѣніе повторяютъ всѣ молящіеся.

II.

Въ такихъ бытовыхъ условіяхъ родился въ 1869 году и выросъ чеченецъ Зелимханъ въ горномъ аулѣ Хорачоѣ (къ югу отъ Владикавказа), Веденскаго округа, Терской области, считаясь мюридомъ шейха Баматъ Гирей Хаджи аула Автури (45 верстъ отъ Хорачоя). Зелимханъ былъ старшимъ сыномъ зажиточнаго мюрида Гушмазуко, имѣвшаго не вдалекѣ отъ аула собственный хуторъ въ горахъ, гдѣ находились его бараны, скоть и лошади. У Зелимхана были еще младшіе братья Султамуратъ и Шамсудинъ и нѣсколько сестеръ. Зелимханъ Гушмазукаевъ женился въ 90-хъ годахъ, но продолжалъ жить съ отцомъ. Брату его Султамурату очень нравилась одноаульница чеченка красавица Хадыжата, которой, въ свою очередь, нравился одноаульникъ стройный мюридъ Шугаибъ, родъ котораго былъ

сильнѣе, т. е. многочисленнѣе по количеству родни въ этомъ же аулѣ ¹⁾). Красавица рѣшила отдать руку и сердце Шугаибу, пользовавшемуся большимъ авторитетомъ въ аулѣ и потому не дававшему никому спуска. Среди молодежи онъ слылъ за завиднаго жениха въ противоположность Султамурату, неуклюжему меланхолику, надъ которымъ всѣ подтрунивали.

Обыкновенно молодья дѣвушки ходятъ за водой для семьи, и къ этому времени у колодца или ручья собирается молодежь, здѣсь происходятъ встрѣчи, завязывается «флиртъ», и первыя стрѣлы Амура пронзаютъ сердца влюбленныхъ. Несмотря на явное предпочтеніе Шугаибу, Зелимханъ все же рассчитывалъ женить брата Султамурата на красавицѣ Хадыжатѣ, къ которой и самъ былъ не совсѣмъ равнодушенъ.

У чеченцевъ нѣтъ поговорки «насильно миль не будешь», а потому, когда стало извѣстно о скорой свадьбѣ Шугаиба съ Хадыжатой, Зелимханъ съ братомъ Султамуратомъ подкараулили ее вечеромъ у рѣки, когда она пришла туда съ кувшиномъ за водой, схватили и, посадивъ на сѣдло, ускакали въ горы на виду почти у всего аула и скрылись. Но такъ какъ муллѣ извѣстно было, что красавица уже была просватана за Шугаиба, то черезъ старшину и муллу дѣвушка была разыскана и водворена къ родителямъ, а затѣмъ и выдана замужъ за Шугаиба.

Съ этихъ поръ Зелимханъ, какъ старшій братъ, считалъ себя, по мѣстному выраженію, сконфуженнымъ за Султамурата и объявилъ Шугаибу, что рано или поздно все равно онъ насильно возьметъ для брата Хадыжату.

Это былъ прологъ на романической почвѣ къ развитію затѣмъ кровавой драмы, въ которой обычай кровавой мести сыгралъ свою роль, давъ просторъ къ проявленію всѣхъ звѣрскихъ инстинктовъ, таившихся въ дикой, необузданной натурѣ Зелимхана.

Слушая простой разсказъ Кибирова объ этой завязкѣ романа, я подумалъ, какая это тема для писателя романиста или драматурга композитора для созданія красивой оперы съ превосходными декораціями Кавказской природы... и т. д.

Тѣмъ временемъ Шагуибъ, отпраздновавъ медовый мѣсяцъ съ красавицей женой, черезъ нѣсколько дней по дѣламъ отправился верхомъ въ г. Грозный. Когда онъ возвращался къ себѣ въ аулъ, Зелимханъ съ братомъ и родственникомъ Бекмурзаевымъ устроили вечеромъ засаду на пути Шугаиба, для чего выбрали глухое ущелье, и лишь только безопасно ѣхавшій Шугаибъ приблизился, какъ всѣ трое схватили его, стащили съ коня и, обезоруживъ, требовали, чтобы онъ, поклявшись на коранѣ, отказался отъ своей жены въ пользу Султамурата. Произошла отчаянная борьба и въ тотъ моментъ, когда братья-насильники хотѣли связать Шугаибу за спину локти, а Бекмурзаевъ, какъ свидѣтель, находился спе-

¹⁾ Считается родъ сильнымъ потому, что, живя вмѣстѣ, всѣ родственники успѣшнѣе работаютъ вмѣстѣ, держатъ общій скотъ, имѣя лишь отдѣльныя сакли, словомъ, «сильный» родъ богаче и авторитетнѣе въ аулѣ. Чеченцы вообще не особенные любители коня, уборъ плохой и не у всякаго — лошадь, а вѣхать во дворъ верхомъ значитъ неоказать уваженія старику. У ингушей, а въ особенности, у кабардинцевъ, дѣвушка встрѣчаетъ всадника, принимаетъ отъ гостя коня, кормитъ и поитъ его, посядлаетъ и подержитъ стремя, когда садится гость. За это гость передъ отъѣздомъ прожигаетъ тутъ же во дворѣ разъ 20 мимо дѣвушки, которая не сойдетъ съ мѣста, пока джигитъ не раскланяется и не умчится на бѣшеномъ скоку со двора. У кабардинца блескъ въ лошади, уборъ скромный, одежда безъ мишуры, въ простыхъ погнахъ великолѣпный клинокъ; держитъ онъ себя съ достоинствомъ. У ингушей все въ наружномъ блескѣ и позументахъ.

реди, предъявляя коранъ для клятвы, ловкій Шуганбъ сильнымъ движеніемъ освободилъ руку и, выхвативъ у неповоротливаго Султамурата кинжалъ, имъ же распоролъ Бекмурзаеву животъ. Все это произошло на краю пропасти. Пораженные столь неожиданнымъ поворотомъ борьбы, братья-разбойники, выпустивъ Шуганба, бросились къ упавшему раненому, а Шуганбъ подъ покровомъ ночи быстро скрылся черезъ горы въ аулъ. Смертельно раненаго Бекмурзаева привезли въ Хорачой, гдѣ онъ утромъ умеръ.

По обычаю, такая расправа, говоритъ Кибировъ, считается «домашнимъ дѣломъ», и администрація въ эти «домашнія убійства» не вмѣшивается, лишь близкіе родственники принимаютъ всѣ мѣры къ огражденію виновнаго отъ преслѣдованія властями и мстителями, считая ихъ равнозначными.

Шуганбъ не зналъ, что Бекмурзаевъ умеръ, а потому не принялъ всѣхъ предосторожностей для своей безопасности. Но Зелимханъ учелъ это и въ тотъ же вечеръ, когда Шуганбъ съ отцомъ былъ у себя во дворѣ, вбѣжалъ туда и обоихъ застрѣлилъ. Къ этому моменту подоспѣли отецъ Зелимхана съ Султамуратомъ, схватили выбѣжавшую на выстрѣлы Хадыжату и, пользуясь темнотою, всѣ вмѣстѣ ускакали въ горы. Нѣкоторые одноаульники случайно видѣли въ ночномъ сумракѣ промелькнувшія тѣни. Поднялась тревога въ аулѣ, но нагнать убійцъ старшинѣ съ кровниками не удалось. Продолжительное слѣдствіе и поиски, въ концѣ концовъ, закончились арестомъ Зелимхана, его брата и отца въ горахъ, въ 12-ти верстахъ отъ Хорачоя, куда явился офицеръ, начальникъ участка, со старшиной и стражниками. Арестованныхъ привели подъ конвоемъ въ аулъ, а красавицу вдову водворили въ домъ ея отца. Затѣмъ всѣхъ трехъ разбойниковъ доставили въ слободу Ведено, послѣ чего перевезли въ г. Грозный, гдѣ состоялся судъ, приговорившій ихъ въ 1907 году въ тюрьму за убійство.

Черезъ 9 мѣсяцевъ Зелимханъ съ братомъ и отцомъ, проломивъ полъ въ камерѣ, подкопались подъ каменную ограду и на разсвѣтѣ выбрались на волю, освободивъ еще 4-хъ головорѣзовъ. Подкравшись къ дремавшему часовому, Зелимханъ выхватилъ изъ его рукъ винтовку и ею же его закололъ, а затѣмъ всѣ скрылись въ горы, давъ обѣтъ «абречества».

Во мнѣніи некультурнаго населенія Чечни абрекъ представляется почти героемъ, но героемъ, который внушаетъ смертельный страхъ, и, подъ вліяніемъ его, жители ауловъ оказываютъ ему всевозможныя пособія, абреки же, въ свою очередь, никому ни въ чемъ не довѣряютъ. При такой обстановкѣ, погоня за Зелимханомъ ни къ чему не привела, а первый успѣхъ вновь сформированной шайки ободрилъ ея главу.

Спустя двѣ недѣли послѣ побѣга изъ Грозненской тюрьмы совершено было въ сл. Ведено убійство начальника округа, къ которому въ кабинетъ явился Зелимханъ и, застрѣливъ, безслѣдно скрылся въ горахъ, отомстивъ ему за свой арестъ и осужденіе. Эти успѣхи направили въ дальнѣйшемъ преступную натуру Зелимхана на опредѣленный путь разбойника, державшаго въ страхѣ почти всѣ чеченскіе аулы, чему очень помогло наступившее послѣ 1906 года политическое броженіе въ Россіи. Слѣды дѣятельности Зелимхана, положительно, залиты кровью всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе становился ему поперекъ дороги. Только одинъ аулъ Беной, имѣя среди чеченцевъ кровниковъ Зелимхана, рѣшился, правда, не открыто выступить противъ него.

Весной 1909 года Зелимханъ съ шайкой въ 8 человекъ велъ съ собою для выкупа овцевода Мѣсяцева, захваченнаго въ хуторѣ, въ 4-хъ вер. отъ Кизляра, направляясь въ горы. Девятые сутки за ними слѣдили стражники по распоряженію атамана Кизлярскаго отдѣла, причемъ, хотя и приказано было черезъ аулы не пропускать шайку, но лишь Беноевцы могли это выполнить, устроивъ засаду у кладбища. Въ перестрѣлкѣ былъ убитъ отецъ Зелимхана и двое изъ шайки, но Мѣсяцева Зелимханъ не упустилъ, потому что осторожный абрекъ никогда впереди не ѣхалъ, въ особенности предугадывая возможность засады, а держался на нѣкоторомъ разстояніи подъ прикрытіемъ брата или отца, а въ ихъ отсутствіи окружалъ себя вѣрными тѣлохранителями силачами. Въ числѣ тѣлохранителей были три брата чеченца, изъ нихъ одинъ окончилъ Владикавказское реальное училище, другой гимназію и третій не окончилъ ея. Въ этой перестрѣлкѣ Зелимхану угрожала смерть, по его спасъ тѣлохранитель.

Послѣ выкупа Мѣсяцева, Зелимханъ затихъ и въ это время скрытно увезъ изъ Веденскаго округа свою семью и вдову Хадыжату въ Назрановскій округъ, выбравъ для нихъ пещеру въ глухомъ мѣстѣ среди неприступныхъ горъ, близъ берега р. Асы. Хадыжату тамъ поженилъ съ братомъ, который въ одной изъ перестрѣлокъ былъ убитъ. Такимъ образомъ разбойничье гнѣздо Зелимхана, свитое имъ въ горной пещерѣ, дало, наконецъ, ему возможность обладать и той красавицей, изъ за которой пролились уже цѣлые потоки крови.

Недолго Зелимханъ наслаждался, если можно назвать, гаремнымъ счастьемъ въ пещерѣ, такъ какъ съ назначеніемъ начальникомъ Назрановскаго округа князя Андронникова, питомца Николаевскаго кавалерійскаго училища и бывшего лихого улана Его Величества, она была открыта. Князь Андронниковъ съ стражниками и сотней Дагестанцевъ, подъ командой ротмистра Донагуева, неожиданно нагрянули и, захвативъ всѣхъ членовъ семьи абрека, направились въ г. Владикавказъ.

Несмотря на предупрежденіе жены Зелимхана не идти черезъ Асинское ущелье, гдѣ Зелимханъ долженъ былъ устроить въ горахъ засаду, князь Андронниковъ все-таки пошелъ туда. Направивъ впередъ арестованныхъ, окруженныхъ конвоемъ, начальникъ отряда князь Андронниковъ слѣдовалъ съ прикрытіемъ за передовыми. Лишь только передовые прошли узкій мостъ черезъ р. Асу, на который затѣмъ въѣхало прикрытіе, какъ съ отвѣсныхъ скалъ защелкали выстрѣлы, и первымъ же былъ убитъ князь Андронниковъ, а также ѣхавшіе съ нимъ саперный поручикъ Панфиловъ и 19 человекъ всадниковъ Дагестанцевъ. Завязалась горячая перестрѣлка съ невидимымъ отъ моста противникомъ. Въ короткое время, кромѣ убитыхъ первыми выстрѣлами, были ранены ротмистръ Донагуевъ и 30 человекъ въ отрядѣ. Послѣ чего, подобравъ убитыхъ и раненыхъ, часть уцѣлѣвшихъ прорвалась впередъ за арестованными, а другіе обошли опасное ущелье кружнымъ путемъ.

Такой кровавой угрозой предупреждалъ Зелимханъ администрацію, возымѣвшую смѣлость дотронуться до гнѣзда грознаго абрека, безпощадно мстившаго послѣ этого всѣмъ тѣмъ, кто такъ или иначе способствовалъ его поимкѣ. Дерзость Зелимхана дошла до того, что онъ написалъ бывшему тогда начальнику области угрозу, что увезетъ къ себѣ дочь генерала.

Семью Зелимхана, тѣмъ не менѣе, доставили во Владикавказъ, а затѣмъ сослали въ Енисейскую губернію. Въ это время поручикъ Кибировъ находился въ Дагестанскомъ конномъ полку, который, какъ сказано выше, почти ежедневно выступалъ отдѣльными сотнями съ отрядами для поимки абрековъ.

Печальная вѣсть о неудачѣ въ Асиискомъ ущельѣ быстро облетѣла не только весь Кавказъ, но и всю читающую газеты Россію. Среди туземцевъ имя Зелимхана произносилось шепотомъ, администрація же наложила крупный штрафъ на аулы и удвоила энергію, но мирные жители въ горахъ и селахъ, тѣмъ не менѣе, ожидали наступленія сумерокъ со страхомъ. Съ такимъ же страхомъ совершались переѣзды по дорогамъ, и безъ достаточнаго конвоя, во всякомъ случаѣ, нечего было думать пускаться въ путь. На главныхъ артеріяхъ сообщенія разставлены были для охраны конные войска.

IV.

Осенью 1911 года должна была пріѣхать инженерная комиссія для осмотра ремонтныхъ работъ на шоссе между Грознымъ и Темиръ-Ханъ-Шурой. Къ этому времени распространились слухи, что Зелимханъ совершитъ нападеніе на инженеровъ.

«Я со взводомъ Дагестанцевъ, говорить пор. Кибировъ, стоялъ на охранной службѣ въ Цаведенѣ. Слухи эти дошли и до меня. Но такъ какъ не разъ такіе слухи бывали ложными, а послѣ катастрофы съ отрядомъ князя Андронникова въ Асиискомъ ущельѣ гибель дорогихъ мнѣ Дагестанцевъ давила на сердцѣ, горѣвшее желаніемъ мщенія, то я рѣшился лично убѣдиться въ дѣйствительности этихъ слуховъ. Съ этой цѣлью, переодевшись въ простого рабочаго, отправился къ партіи, исправлявшей шоссе, и занялся поденщикомъ. Вечеромъ, по окончаніи работъ, всѣ мы пошли въ шалашъ, гдѣ и заночевали. Среди рабочихъ были чеченцы, аварцы и кумыки, языкъ которыхъ я понималъ. Изъ ихъ разговора узналъ, что къ нимъ подходили какіе-то горцы, спрашивая, когда пріѣдутъ инженеры. Получивъ 30 коп. за рабочій день я вернулся къ знакомому дорожному мастеру, гдѣ переодевался и тамъ узналъ, что здѣсь также были неизвѣстные, справлявшіеся о времени пріѣзда инженеровъ, послѣ чего «любопытные» ушли въ горы. Разговаривали они со сторожомъ дорожнаго мастера, который при мнѣ переспросилъ его и послѣдній подтвердилъ это, добавивъ, что люди эти пошли по направленію, гдѣ тамъ въ горахъ пастухъ пасетъ барановъ. Вѣроятно, съ нимъ они бесѣдовали.

На другой день, утромъ, я, говорить Кибировъ, переодевшись чеченцомъ, отправился съ юнкеромъ въ горы и, отойдя версты двѣ отъ шоссе, увидѣлъ пастуха и его стадо».

Пастухъ указалъ внизу подъ горою шайку въ нѣсколько человѣкъ, но предупредилъ, чтобы были осторожныѣе, такъ какъ если увидятъ изъ шайки, что къ пастуху кто либо подходилъ, то немедленно сюда явятся для разспросовъ, кто и зачѣмъ приходилъ, тѣмъ болѣе, что это шайка Зелимхана, который вчера вечеромъ лично былъ здѣсь и взялъ себѣ одного барана.

— Посмотрите съ края обрыва, — сказалъ пастухъ, — но не высовывайтесь, ихъ всѣхъ увидите отсюда, они сейчасъ на намазѣ.

Съ этой цѣлью, — говорить — Кибировъ, мы подползли съ юнкеромъ Умалатъ Чапоровымъ къ краю обрыва и въ 80-ти шагахъ внизу увидѣли стоявшихъ на

колѣняхъ чеченцевъ. Ихъ было 14 человекъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отдѣльно былъ еще одинъ. Сбатованныя лошади стояли подъ деревьями.

«Какой рѣдкій случай для быстрой расправы съ абрекомъ за убитыхъ имъ Дагестанцевъ,— подумалъ Кибировъ:— привести бы сюда мой взводъ и перестрѣлять разбойниковъ, какъ куропатокъ». И въ воспоминаніи Кибирова воскресло впечатлѣніе о катастрофѣ съ княземъ Андронниковымъ въ Асинскомъ ущельѣ.

Казачьи сердца Кибирова и юнкера наполнились особымъ чувствомъ охотника, неожиданно увидѣвшаго въ первый разъ крупнаго звѣря, не замѣчающаго присутствія человека.

Полюбовавшись нѣсколько минутъ рѣдкимъ зрѣлищемъ, Кибировъ и юнкеръ осторожно отползли съ края обрыва и, предупредивъ пастуха хранить тайну ихъ посѣщенія, быстро добрались домой въ Цавиденъ.

Кибировъ тотчасъ отправилъ рапортъ о своей развѣдкѣ въ г. Грозный начальнику военнаго отряда полковнику Маргани. 11-го сентября 1911 года Кибировъ былъ вызванъ телеграммой въ аулъ Шали (60 верстъ отъ Цавидена). Тамъ онъ явился начальнику отряда и лично доложилъ подробности своей первой развѣдки, послѣ чего возвратился въ Цавиденъ.

Утромъ 12-го сентября дорожный мастеръ ¹⁾ въ Цавиденѣ получилъ приказаніе отъ своего начальства встрѣтить инженеровъ у озера Эйзенамъ. Но, прождавъ ихъ весь день 13-го числа, онъ оттуда вернулся, при этомъ рассказалъ, что его сторожъ очень взволнованъ тѣмъ, что вновь приходили чеченцы справляться, когда пріѣдутъ инженеры, и грозили убить его, если не сообщитъ.

Придавая особое значеніе послѣднему извѣстію, Кибировъ тотчасъ отправилъ мастера въ Грозное доложить начальнику и написалъ письмо своему брату подъесаулу, котораго просилъ сообщить обо всемъ начальнику отряда, прося исходятайствовать разрѣшеніе окружить шайку. Но, вмѣсто разрѣшенія, 14-го сентября получилъ приказаніе немедленно отправиться со взводомъ къ хутору Шевелева (въ 2-хъ верстахъ отъ г. Ведено), гдѣ къ утру 15-го сентября получилъ печальное извѣстіе, что Зелимханъ вчера вечеромъ на 118-й верстѣ Царской дороги изъ засады, въ нѣсколько десятковъ шаговъ отъ того мѣста, гдѣ Кибировъ видѣлъ шайку 12-го сентября, напалъ на инженеровъ и убилъ всѣхъ съ ихъ конвоемъ.

Какъ оказалось впослѣдствіи, начальникъ отряда, по соглашенію съ ротмистромъ Долидзе, получивъ донесеніе Кибирова, рѣшили измѣнить маршрутъ инженеровъ, не говоря объ этомъ никому, а охрана изъ Дагестанцевъ и съ ними самъ Долидзе переодѣлись въ рабочихъ и отправились съ инженерами въ экипажахъ.

Получивъ печальную вѣсть о катастрофѣ на Царской дорогѣ, Кибировъ, по приказанію начальника Веденскаго округа князя Каралова, тотчасъ поскакалъ со взводомъ на предполагаемый путь отступленія шайки Зелимхана, къ Андійскому

¹⁾ Мастеръ этотъ былъ по происхожденію чеченецъ, кровникъ Зелимхана, грамотный, давно служащій. Заинтересованный этой личностью, Кибировъ желалъ провѣрить его отношенія къ Зелимхану, замѣтивъ, что неоднократно, при разговорѣ о послѣднемъ, дорожный мастеръ старался даже уходить. Какъ оказалось, Зелимханъ въ письмахъ грозилъ мастеру, а потому однажды въ откровенной бесѣдѣ дорожный мастеръ сказалъ Кибирову: «За меня постоятъ еще 8 моихъ братьевъ, если Зелимханъ убьетъ меня, поэтому я его не боюсь». Съ этого дня Кибировъ не упускалъ случая повидать № 1, такъ въ дальнѣйшемъ будетъ называться эта личность, оказавшая Кибирову огромную помощь. Имя его извѣстно въ областномъ управленіи, и онъ получилъ соотвѣтственное поощреніе за службу.

хребту, взявъ проводникомъ сына владѣльца хутора Шевелева. Въ горахъ ихъ застала сильная метель. По тому же распоряженію, штабсъ-ротмистръ Донагуевъ со взводомъ изъ с. Мехкеты былъ направленъ черезъ ауль Хой, гдѣ у горы Черный Ламъ на нихъ ночью наткнулся Залимханъ съ шайкой. Во время перестрѣлки былъ убитъ младшій третій братъ Зелимхана, восемнадцатилѣтній Шамсудинъ, кромѣ того, тѣлохранитель Зелимхана и отобранны 9 винтовокъ, похищенныхъ съ убитыхъ на 118-й верстѣ Царской дороги Дагестанцевъ, а также конь Зелимхана, находящійся теперь у штабсъ-ротмистра Дагестанскаго полка Алибека. Самъ Зелимханъ удралъ.

Кибировъ, дойдя до Андійскаго хребта, возвращался по Царской дорогѣ и тамъ «на 118-й верстѣ» застала ужасную картину.

— Съ чувствомъ неопикуемой горечи я увидѣлъ окровавленные тѣла дорогихъ мнѣ Дагестанцевъ, — рассказываетъ Кибировъ. — Храбрецъ Долидзе, грудь котораго восемь лѣтъ тому назадъ, въ кампаніи 1905 г., пронзила японская пуля, лежалъ теперь на шоссе съ вбитымъ въ черепъ острымъ камнемъ, на лицѣ запеклись струи дорогой его крови. По обочинамъ шоссе и въ боковыхъ канавахъ застыли въ разнообразныхъ позахъ, держа ружья на изготовку, 11 сверхсрочныхъ Дагестанцевъ, буквально изрѣшетенныхъ пулями, и тутъ же лежали 4 инженера. Всѣ были ограблены. Въ живыхъ, какъ потомъ оказалось, остался только одинъ подполковникъ Чикалинъ, взятый Зелимханомъ въ плѣнъ. Его посадили на лошадь, которую велъ въ заводу одинъ изъ разбойниковъ, но, когда шайка наткнулась на засаду штабсъ-ротмистра Донагуева у Чернаго Лама и поднялась [стрѣльба, лошадь вырвалась и прискакала съ нимъ ночью къ дому дорожнаго мастера близъ Цавидена.

Кромѣ подполковника Чикалина, чудомъ не попалъ въ катастрофу инженеръ Ючицкій, заболѣвшій въ Ботлихѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста катастрофы. Очень состоятельный человекъ, Ючицкій и былъ предметомъ нападенія Зелимхана, который желалъ захватить его, предполагая затѣмъ, вмѣсто выкупа, заставить правительство обмѣнять его на семью, возвративъ ее изъ ссылки.

Мѣсто, гдѣ разыгралась эта катастрофа, оказалось, дѣйствительно, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того обрыва, гдѣ за 5 дней до этого Кибировъ въ первый разъ видѣлъ шайку по указанію пастуха.

Поручикъ Дагестанскаго коннаго полка Кибировъ.

— Какъ я досадовалъ,—говорить Кибировъ,—что не придали значенія моему донесенію и не разрѣшили распорядиться мнѣ самому съ шайкой. Катастрофа была бы предупреждена.

Тѣла убитыхъ вновь напомнили ему катастрофу въ Асинскомъ ущельѣ и родного дядю Кибирова, полковника Галаева, начальника Веденскаго округа, также вѣроломно убитаго Зелымханомъ.

Бережно подобравъ дорогихъ покойниковъ, Кибировъ со взводомъ доставилъ ихъ въ Ведено.

V.

Давъ себѣ клятву во что бы то ни стало поймать Зелымхана, Кибировъ все болѣе и болѣе продумывалъ планъ, желая не упускать малѣйшихъ признаковъ пребыванія абрека, но до начала декабря слѣды его какъ въ воду канули. Какъ потомъ оказалось, Зелымханъ перебрался къ своему аулу Хорачою, въ 3-хъ верстахъ отъ котораго, въ глухомъ ущельѣ, отыскалъ пещеру и тамъ скрывался. Объ этомъ узнали отъ пастуха, изъ стада котораго шайка брала барановъ. Сотня пластуновъ, рота пѣхоты съ пулеметами и казачья команда, по указанію проводника, окружила логовище человѣка-звѣря.

Описаніе этого «похода 9-го декабря 1911 года» подробно изложено Казачковскимъ на страницахъ 122—125-й его книги «Разбой на Кавказѣ». Двое сутокъ, по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, отрядъ кольцомъ осаждалъ неприступную позицію Зелымхана выпустивъ не мало пуль. Къ 6-ти час. утра 10-го декабря ввезено было на скалу со страшными трудностями орудіе, но оказалось, что Зелымханъ, какъ горный духъ, какъ-то исчезъ. Теперь говорятъ, будто тамъ его и не было, жители нарочно придумали эту исторію по плану, преподанному Зелымханомъ, чтобы замести слѣды. Между тѣмъ, въ населеніи еще болѣе укрѣпилась суевѣрная легенда о Зелымханѣ, что онъ, какъ «шайтанъ», неуловимъ... Въ теченіе всего 1912 года и начала 1913 года слѣды Зелымхана совершенно исчезли. Говорили даже, что онъ убитъ въ Персіи¹).

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Енисейской губерніи, семья Зелымхана, его жена Битти, Хадыжата, дочери Мусли-Мать и Эниса и два маленькихъ сына, были возвращены изъ ссылки и въ іюні 1913 года прибыли въ Грозный.

— Въ Хорачой,—говорила Битти,—намъ нельзя возвращаться, тамъ у насъ много кровниковъ, насъ обязательно всѣхъ перебьютъ.

Постоялый дворъ, гдѣ пребывала семья абрека, былъ долго предметомъ вниманія жителей Грознаго, съ любопытствомъ разсматривавшихъ и разспрашивавшихъ «знаменитыхъ» родственниковъ абрека²). Кибировъ въ это время стоялъ съ сотнею въ с. Гойтѣ, а въ Грозномъ была штабъ-квартира начальника военнаго отряда.

¹) На стр. 128-й В. Казачковскій говоритъ: «По показаніямъ повѣшенныхъ въ Тавриѣ фидаевъ, Зелымханъ лѣтомъ 1912 года былъ въ Урмин, гдѣ предлагалъ свои услуги турецкому правительству, на случай войны съ Россіей, поднять возстаніе въ Чечнѣ».

²) Когда былъ объявленъ манифестъ по случаю 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ, мнѣ задалъ главный вопросъ служащій у меня игушъ Евлоевъ: «можетъ ли Зелымханъ рассчитывать на прощеніе по этому манифесту, если онъ дастъ слово честно жить?» Объ этомъ Евлоевъ получилъ письмо съ Кавказа отъ раѣе служившаго у меня чеченца Сулеймана, жителя аула, сосѣдняго съ Хорачоемъ, хорошо знавшаго Зелымхана въ дѣтствѣ. Видимо, Зелымханъ рассчитывалъ на прощеніе, а потому временно и прекратилъ разбой. Но къ прибытію семьи пропелся слухъ, что Зелымханъ скоро заявитъ о себѣ.

17-го іюня поручикъ Кибировъ получилъ приказаніе отъ начальника отряда прибыть въ Грозный. Тамъ полковникъ Маргали снабдилъ Кибирова секретнымъ предписаніемъ за № 83, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: *«Съ разрѣшенія начальника Терской области и наказнаго атамана Терскаго казачьяго войска, на поручика вѣрннмаго мѣ Дажестанскаго коннаго полка Кибирова мною возложено секретное служебное порученіе, для чего безпрекословно и немедленно давать поручику Кибирову войсковую часть или команду по его требованію, не спрашивая, для какой цѣли»...*

Въ это время начальника области замѣщаль его помощникъ генералъ Степановъ, въ рукахъ котораго были сосредоточены всѣ дѣла о разбояхъ и подавленіи ихъ.

Этотъ знаменательный документъ, давшій свободу дѣйствій поручику Кибирову, есть наилучшая аттестація блестящихъ качествъ названнаго казачьяго офицера.

Послѣ того, какъ отряды изъ трехъ родовъ войскъ, совмѣстно съ полицейской стражей всей области, безуспѣшно «воевали» съ Зелимханомъ въ теченіе 15-ти лѣтъ, всюду терпя отъ него пораженія, вновь назначенный наказный атаманъ Терскаго войска, генералъ Флейшеръ, пришелъ къ мудрому разрѣшенію вопроса, казавшагося столько лѣтъ «неразрѣшимымъ». Стоившій столькихъ жизней долготѣннй опытъ указалъ ему на вѣрный способъ «разрубить Гордіевъ узелъ»: возложить эту задачу на молодца-офицера казака Кибирова, лично извѣстнаго генералу Степанову, и онъ быстро сдѣлалъ одинъ то, чего не могли сдѣлать въ теченіе 15-ти лѣтъ лица, имѣвшія въ своемъ распоряженіи значительно большія средства, но не награжденныя небомъ тѣми качествами, которыми отмѣчаетъ оно людей съ «Божьей искрой въ военномъ сердцѣ», какимъ оказался поручикъ Кибировъ. Прошло всего 98 дней съ момента полученія Кибировымъ приказанія «уничтожить Зелимхана», и Терская область была имъ освобождена отъ кроваваго тумана, висѣвшаго надъ ней въ теченіе 15-ти лѣтъ.

Для героической природы Кибирова, лишь только облекли его полнымъ довѣріемъ, быстро и ясно раскрылись средства, которыя слѣдовало использовать для побѣды и для побѣды полной, окончательной. Онъ, получивъ свободу дѣйствій, создалъ обстановку, губительную для Зелимхана, правда, чрезвычайно рискованную и для Кибирова. Нѣсколько разъ жизнь его висѣла на волоскѣ, но Богъ хранитъ героевъ. Онъ, Всемогущій, отмѣчаетъ ихъ Своимъ перстомъ, несмотря на людскую зависть, старающуюся понизить въ глазахъ общества значеніе подвига, что имѣетъ мѣсто и въ описываемомъ случаѣ.

Я остановилъ вниманіе читателя на моментѣ передачи полномочій и инициативы дѣйствій поручику потому, что явленіе это весьма рѣдко въ нашей военной жизни, пріемъ же этотъ (предоставленіе полной инициативы) есть наилучшій методъ подготовки младшаго офицера къ будущей распорядительности въ роли старшаго начальника и въ мирной, и, главное, въ боевой обстановкѣ.

Хочется вѣрнть, что примѣръ съ Кибировымъ послужитъ началомъ новой эры въ нашей арміи въ дѣлѣ подготовки ея команднаго состава къ проявленію личной инициативы во время боя. До сихъ поръ младшій начальникъ при всякой служеб-

ной работѣ выполнялъ ее, каждый разъ ожидая «указки» непосредственно старшаго надъ нимъ. Поэтому талантъ и зарывается, онъ даже является какъ бы лишнимъ. Не потому ли шаблонныя посредственности легче приспособляются къ подобной служебной атмосферѣ и онъ же, эти посредственности, позволяютъ себѣ говорить: «что особеннаго сдѣлалъ Кибировъ, чтобы считать это за проявленіе героизма?!».

Изъ дальнѣйшаго изложенія фактовъ будетъ ясно видно, что Кибировъ сдѣлалъ именно то, чего ранѣе не дѣлали для быстрого достиженія успѣха.

Уже выше было сказано, что не пользовались «элементомъ времени», входящимъ крупнымъ слагаемымъ для достиженія боевого успѣха. Въ кавалерійской службѣ «моментъ» имѣетъ повелѣвающее значеніе, упущеніе выгоднаго момента въ подавляющемъ количествѣ случаевъ сводитъ все предшествующіе труды на нѣтъ.

Войди у насъ въ жизнь принципъ, по которому офицеръ могъ бы проявлять инициативу въ соотвѣтствующій моментъ, навѣрное, тотъ же Кибировъ, увидѣвшій въ первый разъ шайку Зелимхана въ 80-ти шагахъ, немедленно отправилъ бы юнкера за своей командой или, оставивъ его наблюдать, лично привелъ бы ее и, окруживъ абрековъ, уложилъ бы ихъ на мѣстѣ, а затѣмъ «побѣдителей» не судили бы. Не были бы убиты Долидзе, 11 Дагестанцевъ и 4 инженера. Но Кибировъ не имѣлъ «секретнаго полномочія» и долженъ былъ ожидать распоряженій. Моментъ былъ упущенъ. Мнѣ кажется, слѣдуетъ ближе подойти къ существу «присяги», по которой «каждый» военнослужащій подъ клятвой обязуется «разумно» проявлять инициативу, зная, вмѣстѣ съ тѣмъ, напередъ, что «не разумное» ея проявленіе или бездѣйствіе есть нарушеніе той же клятвы, влекущее за собою строжайшее наказаніе.

Установленіе такого принципа еще въ мирное время быстро выдвинетъ изъ нашей славной арміи многихъ Кибировыхъ, что, несомнѣнно, благотворно отразится на духѣ частей и на подготовкѣ ихъ къ бою, усугубивъ интересъ къ строевой службѣ.

VII.

О полученіи секретнаго предписанія знали только давній его командиръ полка полковникъ (нынѣ генераль) Маргани, Кибировъ и полковой адъютантъ.

До 19-го іюля,—говоритъ Кибировъ,—я прислушивался, что говорятъ о Зелимханѣ среди чеченцевъ аула, которые я посѣщалъ во время проѣздовъ со взводомъ, не подавая вида о возложенномъ на меня порученіи.

19-го іюля наша 5-я сотня, подъ командой штабсъ-ротмистра Данагуева, перешла изъ Грознаго за 35 вер. въ аулъ Шали. Но и въ Шали, какъ я ни старался, даже ипкакыхъ намековъ о Зелимханѣ получить не могъ. Давно приглядѣвшись къ жизни ауловъ, я замѣтилъ, что въ обычай у чеченцевъ—устраивать вечеринки, на которыя сходятся сосѣди, и кунаки засиживаются у гостепріимныхъ хозяевъ иной разъ далеко за полночь, а аулъ Шали довольно большой и зажиточный, есть и каменные дома, поэтому съ наступленіемъ темноты по улицамъ аула то и дѣло гуляютъ съ одной вечеринки на другую цѣлыя компаніи. Тамъ въ бесѣдахъ передаютъ все животрепещущія новости, замѣняя этимъ, такъ сказать, повседневную газету. Словомъ, свѣдѣнія, передаваемые на этихъ собесѣдованіяхъ,

суть вѣрное отраженіе событій дня даннаго района. Подмѣтивъ эту особенность аульнаго быта, я не разъ отправлялся съ вечера верхомъ въ объѣздъ по сосѣднимъ ауламъ, среди жителей которыхъ имѣлъ нѣсколько знакомыхъ кунаковъ.

Но такія частыя отлучки, иной разъ до разсвѣта, въ концѣ концовъ, вызвали неудовольствіе командира сотни, я же, связанный секретомъ, не могъ въ свою тайну посвятить его, моего большого друга, къ тому же особо мною уважаемаго за его давно доказанную храбрость. Онъ подозрѣвалъ кое-что, и это угнетало меня, а, съ другой стороны, связывало мнѣ руки, а потому, когда неожиданно пріѣхалъ въ Шали полковникъ Маргани, по неточно переданной ему депешѣ, я просилъ его отдѣлить меня съ командой въ 35 человекъ, состоящей исключи- изъ моихъ молодыхъ всадниковъ, съ двумя юнкерами Мурта-Зали-Гетина-Магома (Дагестанецъ), и Закарья-Гебековъ (оба исполняли должности взводныхъ урядниковъ), послѣ чего командиръ сотни съ остальными всадниками былъ отправленъ въ сосѣдній аулъ за 15 верстъ. Я остался въ Шали, потому что здѣсь былъ телеграфъ и телефонъ, и ближе было къ станціи Аргунь Владикавказской желѣзной дороги.

Пріѣздъ командира полка былъ совершенно случайный. Какъ оказалось, въ депешѣ были перепутаны условленныя выраженія, вслѣдствіе чего командиръ по- нялъ, что есть какія-либо важныя новости о Зелимханѣ, я же телеграфировалъ обратное, что послужило причиной неудовольствія на меня, тѣмъ болѣе, что ко- мандиръ ожидалъ скораго производства въ генералы и назначенія въ Персію. Та- кимъ образомъ, порученная ему поимка Зелимхана становилась безнадежной.

Безуспѣшность пріемовъ борьбы съ Зелимханомъ, по наблюденіямъ Кибирова, происходила, главнымъ образомъ, потому, что тайна распоряженій не сохранялась въ должной степени, и прежде, чѣмъ отряды выступали, Зелимханъ по многимъ признакамъ угадывалъ ихъ намѣреніе. Слишкомъ помпезно все было обставлено, чуть ли не съ предупрежденіемъ «иду на вы», на что Зелимханъ отвѣчалъ «заса- дами» и всегда безъ промаха.

— Командиръ полка довѣрилъ мнѣ, говоритъ Кибировъ, двухъ своихъ же- ребцовъ: бѣлаго текинца и араба. Обоихъ я взялъ въ Шали и ежедневной рабо- той отучилъ отъ дурныхъ привычекъ: одинъ прежде давалъ свѣчки, другой не стоялъ на мѣстѣ. Лошади успокоились и стали послушными, но, конечно, въ ра- ботѣ жпръ съ нихъ спалъ. Вслѣдствіе дурнаго расположенія духа, командиръ не только не поблагодарилъ меня, но даже не принялъ предложенія откушать мой простой обѣдъ¹⁾ и, неудовлетворенный отсутствіемъ свѣдѣній о Зелимханѣ, уѣхалъ.

Раздосадованный такимъ ко мнѣ отношеніемъ, я, тѣмъ не менѣе, продолжалъ развѣдки, хотя въ конечную цѣль ихъ своихъ молодцовъ не посвящалъ, втягивая лишь въ тренировку, пристально наблюдая за настроеніемъ каждаго, пріучая къ быстрой сѣдловкѣ и къ полному вниманію къ окружающей обстановкѣ, въ осо- бенности ночью.

Не имѣя возможности добыть опредѣленныхъ свѣдѣній о мѣстѣ пребыванія Зелимхана, но сопоставляя разнообразныя слухи о немъ, я пришелъ къ необхо- димости использовать шпіонажъ, такъ такъ чувствовалъ, что Зелимханъ гдѣ-то не- вдалекѣ, но принялъ исключительныя мѣры скрытности. Повидимому, затишье это

¹⁾ Въ Текинской экспедиціи онъ былъ ординарцемъ у генерала Скобелева.

было передъ грозой, и не можетъ быть, если онъ живъ, чтобы его не потянуло ближе къ мѣсту, гдѣ его семья. Совѣтоваться ни съ кѣмъ не приходилось, а потому, взвѣсивъ всю обстановку, я рѣшилъ обратиться къ № 1, о которомъ сказано выше. Съ этой цѣлью около 10-го августа, взявъ вѣрнаго вѣстового, я съѣздилъ къ нему въ горы ¹⁾. Долго пришлось убѣждать № 1, но, давъ ему расписку съ обязательствомъ уплаты «за службу» крупной суммы, которая и была ему уплачена по окончаніи дѣла, па что имѣется документъ въ войсковомъ штабѣ, и исключотавъ ему и № 2 право на ношеніе оружія, я получилъ, наконецъ, возможность постепенно приподнять завѣсу, за которой понемногу раскрылась искусно организованная тайна пребыванія Зелимхана.

Въ горахъ я пробылъ весь день и ночь до разсвѣта и лишь на другой день къ вечеру вернулся. Получивъ питку отъ клубка, я уже не упускалъ ее изъ своихъ рукъ ни на одинъ моментъ, для чего уговорился о мѣстѣ тайныхъ ночныхъ свиданій въ кукурузѣ, объ условныхъ стукахъ въ окно, по наступленіи темноты, послѣ чего немедленно долженъ былъ являться за полученіемъ свѣдѣній.

Довольный результатомъ поѣздки, подтвердившей паличіе абрека, я принялъ мѣры, чтобы никто изъ команды не замѣтилъ, до поры до времени, о наступленіи новой эры моей работы. Труднѣе всего было сохранить тайну отъ моего зоркаго и преданнаго денщика, но и это удалось.

Поѣздки съ командой продолжались, но къ сумеркамъ я всегда бывалъ дома, томительно, а вмѣстѣ и радостно, ожидая въ одиночествѣ наступленія темноты. Бывало, почи не спишь, прислушиваясь, не послѣдуетъ ли условленный стукъ въ окно, и, не дождавшись его, поднималъ моихъ молодцовъ по тревогѣ незадолго до разсвѣта и уѣзжалъ на развѣдку еще неизвѣданныхъ горныхъ щелей и отдѣльныхъ хуторовъ и саклей. Каждая изъ нихъ представляла въ моемъ воображеніи возможность неожиданной встрѣчи съ абрекомъ, и въ умѣ рисовалась картина предстоящаго боя, напоминая давно прошедшія стычки въ Маньчжуріи.

Въ такомъ повышенномъ настроеніи ничего не стоило быстро составить задачу для разрѣшенія ея слѣдующимъ за мною всадникамъ, указать имъ пунктъ воображаемаго пребыванія абрека съ шайкой и потребовать отъ cadaго изъ молодцовъ самостоятельнаго дѣйствія, имѣя въ виду общую цѣль, но въ то же время ни на секунду не теряя меня изъ вида. Съ послѣдней цѣлью я иной разъ вводилъ что либо новое въ зданіе: появленіе опасности съ фланга, съ тыла, изъ отдѣльной сакли или изъ-за скалы, или съ ея грозной вершины.

Постепенно за эти дни люди слились со мною какъ бы въ одно цѣлое, понимали мои знаки издали почти безъ команды, на что такъ способны горные коныше люди, въ особенности въ возрастѣ 18—19-ти лѣтъ. Послѣднихъ у меня было большинство. Казалось, мы «однимъ муромъ мазаны», несмотря на то, что всѣ они магометане, а я православный. «Муръ» этотъ—была военная жилка, особенно напрягаемая на кофѣ...

VIII.

Но, вотъ, наступили сумерки 20-го августа, когда первый, такъ долго ждаемый, таинственный стукъ въ завѣтное окно, наконецъ, раздался. Денщикъ понесъ

¹⁾ По весьма понятнымъ причинамъ, въ печати неудобно называть имена тѣхъ, которые помогали Кибирову въ тайной развѣдкѣ. Ихъ, какъ сказано выше, будемъ называть № 1 и № 2.

заранѣ нарочно приготовленную телеграмму, а я немедленно отправился на условленное мѣсто за ауломъ къ кукурузѣ, гдѣ засталъ № 1 и № 2.

Изъ моихъ наблюденій за прошлые три года неоднократно подтверждались факты: агенты, закутанные башлыками, показывающіе письменныя свидѣтельства, что они суть дѣйствительно агенты, вели отрядъ на своего кровника, говоря, что это Зелимханъ, и отрядъ убивалъ его, зачастую трупъ исчезалъ, а Зелимханъ оставался неуловимымъ. Понятно, что я долженъ былъ быть особенно осторожнымъ и прежде, чѣмъ «занести ударъ», я рѣшилъ, во чтобы то ни стало, своими глазами увидѣть абрека, а, для провѣрки моихъ агентовъ, мнѣ пришла счастливая мысль замѣтить какую-либо мелочь изъ снаряженія Зелимхана.

На первомъ свиданіи съ моими агентами я узналъ, что сношеніе съ Зелимханомъ завязалось, но мѣсто его пребыванія, какъ я ни старался, не могъ уловить. Какъ я ни уговаривалъ, они мнѣ про это не сказали.

Выслушавъ ихъ рассказъ, я ихъ предупредилъ, чтобы отнюдь не говорили обо мнѣ, а устроили бы свиданіе, яко бы съ каторжникомъ, такъ какъ если скажутъ, что я офицеръ, то, хотя онъ и допустить къ свиданію, но, конечно, только для того, чтобы убить. Отъ этого они на отрѣзъ отказывались, говоря, что это невозможно, но послѣ долгихъ увѣщеваній согласились и поклялись на коранѣ, выписки изъ котораго (хакаль) у каждаго мюрида всегда на груди. Поощренный этимъ успѣхомъ увѣщеваній, я воспользовался стоворчпвостью и спросилъ, на какихъ языкахъ говоритъ Зелимханъ, и узналъ, что говоритъ на многихъ, кромѣ кабардинскаго. Въ такомъ случаѣ, если онъ спроситъ, кто я, велѣлъ сказать, что я—кабардинецъ, тѣмъ болѣе, что я буду не въ военной формѣ. Затѣмъ сказалъ, что свидѣтельство на право ношенія оружія уже есть, но они получаютъ послѣ моего свиданія съ Зелимханомъ, чему они особенно обрадовались. Агентъ № 1 сказалъ, что будетъ ночевать въ Шали, и мы разстались.

Желаніе получить свидѣтельство на оружіе очень подвинуло дѣло. Свидѣтельство я выхлопоталъ, и вечеромъ 24-го августа, во время «кукурузнаго свиданія», они сообщили мнѣ, чтобы къ утру 25-го августа я былъ готовъ «представиться Зелимхану».

По мѣстному обычаю, горцы даютъ православнымъ свои имена; почти съ дѣтства меня называли Астиміръ.

— Смотри же, Астиміръ,—сказалъ № 2,—будь готовъ къ 4-мъ час. утра, я на перекресткѣ за ауломъ буду тебя ожидать.

IX.

Всю ночь до утра я обдумывалъ, продолжалъ свой рассказъ Кибировъ, задавая себѣ вопросы, что буду дѣлать въ разныхъ случаяхъ, предусматривая всѣ возможныя неожиданности при предстоящемъ свиданіи съ двуногимъ звѣремъ. А что, если съ перваго же момента цѣль моего свиданія раскроется, конечно, буду убить. Сердце защемило при мысли, что въ станціи Чернойрской—75-лѣтняя старушка мать и сестра вдова съ сиротками безъ средствъ, а въ Темиръ-ханъ-Шурѣ осталась жена съ маленькой дочуркой и въ ожиданіи второго ребенка... Быть можетъ, я ихъ никогда не увижу. Но надъ этимъ долго не пришлось задумываться, съ этимъ хорошій казакъ свыкается, служба заслоняетъ эти чувства. Твердо рѣшивъ завтра увидѣть еще невиданнаго звѣря, я сѣлъ за столъ, написалъ завѣщаніе

въ пользу жены, матери и сестры и подробно описаль послѣднія событія и что иду въ районъ между ауломъ Автури и Ведено на свиданіе съ Зелимханомъ по указанію двухъ лицъ, изъ которыхъ одного знаю давно, упомянувъ его адресъ и имена его родныхъ. Если не вернусь, значить убить и тамъ меня искать. Записку эту и крестикъ, который я не забылъ снять, заперъ въ сундукъ. Разумѣется, никому не говорилъ ни полслова, лишь передъ сумерками отправилъ къ юнкеру Муртазали денщика Али-Кады-Махмудова съ запиской, въ которой просилъ удержать его у себя подъ разными предлогами возможно дольше. Во время отсутствія денщика пріобрѣлъ въ аулѣ старую, изорванную шинель, опорки и прочія принадлежности костюма каторжника, до соломенной шляпы включительно, надѣлъ все пріобрѣтенное и, незамѣченный никѣмъ, пробрался за аулъ въ кукурузу къ назначенному мѣсту, гдѣ ожидалъ агентовъ. Къ 4-мъ часамъ утра послышалось фырканье лошади и топотъ копытъ. Въ темнотѣ нельзя было сразу разобрать, кѣмъ подавался условленный звукъ, но вскорѣ силуэты двухъ всадниковъ выросли, какъ изъ земли. Съ одной лошади, клячи, слѣзъ человекъ, оказавшійся № 1, а № 2, вооруженный съ ногъ до головы, сидѣлъ на прекрасномъ кабардинцѣ. Я слѣлъ на не осѣдланную клячу и съ № 2 отправился, номеръ же первый возвратился. Было совершенно темно, и только послѣ двухчасовой ѣзды стала загораться заря, когда мы подъѣхали къ лѣсу, на опушкѣ котораго стоялъ, повидному, на часахъ вооруженный горецъ, пристально всматривавшійся въ пастъ, держа винтовку наготовѣ. Подъѣхавъ къ нему, мы поклонились (по чеченски сдѣлали саламъ), на что онъ отвѣтилъ «малекимъ саламъ», по винтовку не опустилъ, зорко всматриваясь въ даль, вѣроятно, искалъ глазами, нѣтъ ли кого за нами.

«Не это ли Зелимханъ?»—подумаль я.

Мы слѣзли съ лошадей, завели ихъ въ лѣсъ и, привязавъ къ деревьямъ, направились далѣе пѣшкомъ по лѣсу. Впереди шель № 2, не отвѣчая на мои вопросы. Фигура только что встрѣченнаго красавца горца стояла въ памяти, и лишь огромный его ростъ и молоджавость разсѣивали представленіе о Зелимханѣ. Все время шли молча, и, чтобы скрыть свои волненія, я старался внутренне убѣдить себя, что я—дѣйствительно каторжникъ, и это меня нѣсколько успокаивало.

Когда Кибировъ мнѣ рассказываль это, я подумаль, что талантливый актеръ съ сильной волей, вѣроятно, такимъ самовнушеніемъ входитъ въ роль и играетъ ее хорошо тогда только, если искренне переживаетъ все душевное настроеніе изображаемаго лица.

Лѣсъ шель подъ небольшой уклонъ, пройдя по которому минутъ 10, мы вышли на поляну. По срединѣ ея, подъ развѣсистой дикой грушей, сидѣлъ человекъ, къ которому мы направились. Я, что называется, вперился въ него глазами и разсмотрѣлъ его еще издали: въ желтоватомъ халатѣ, въ папахѣ изъ великолѣпнаго рыжаго каракуля, съ винтовкой между колѣнъ.

«Неужели,—думаль я,—это тотъ, который пятнадцать лѣтъ держитъ въ страхѣ всю область, тотъ, который убилъ моего дядю, моего отважнаго Долидзе, храбреца Андронникова и уложилъ цѣлую гору тѣлъ славныхъ Дагестанцевъ!.. Онъ, которому давно мѣсто, по меньшей мѣрѣ, въ каторгѣ»... Но дѣйствительность остановила приливъ чувства злобы, такъ какъ агентъ № 2 уже остановился передъ сидѣвшимъ съ важной осанкой человекомъ, низко ему поклонился, сказавъ «саламалекумъ», на что незнакомецъ, полуподнявшись, отвѣтилъ «малекимъ саламъ», противно прозвучу-

чавшее въ моихъ ушахъ. Затѣмъ агентъ отошелъ въ сторону и я очутился лицомъ къ лицу съ незнакомцемъ, смѣрившимъ меня съ головы до ногъ своими огненными глазами. Я подошелъ, глядя ему прямо въ глаза, и съ поклономъ произнесъ «саламалекумъ», на что, вставая и держа въ лѣвой рукѣ винтовку, незнакомецъ произнесъ «малекимъ саламъ» и протянулъ мнѣ свою огромную руку, прикосновеніе къ которой ощущалось, какъ ледъ. Какая-то дрожь пробѣжала у меня по спинѣ, а въ памяти запечатлѣлся, можетъ быть, на всю жизнь, звѣрскій обликъ бронзово-загорѣлаго лица съ налитыми кровью глазами, орлинымъ носомъ, подкрашенной черной, коротко стриженной бородой и сѣдыми волосами изъ подъ папахи. Коренастая, широкоплечая фигура моего роста дышала здоровьемъ и силой.

Осматривая меня съ ногъ до головы, незнакомецъ на русскомъ языкѣ спросилъ:

— Что тебѣ надо?

— За убійство, — началъ я, — двухъ полковниковъ я былъ осужденъ въ каторгу на 16 лѣтъ... Но онъ перебилъ меня, спросивъ:

— Ты—мусульманинъ или православный?

— Мусульманинъ—кабардинецъ, — отвѣтилъ я.

— Ну, что же хочешь?

подавивъ въ себѣ волненіе, я продолжалъ по русски нарочно съ акцентомъ:

— На 16 лѣтъ осужденный въ каторгу, я пробылъ 4 года и бѣжалъ, сохранивъ винтовку часового и убивъ его, пробрался сюда. Слышалъ еще въ каторгѣ и здѣсь вашу славу, и гдѣ ваше имя произносится, тамъ и законъ. (Рѣчь эту обдумывалъ по пути изъ аула сюда). Мнѣ негдѣ преклонить голову, въ аулы нигде показаться нельзя. Возьмите меня къ себѣ, я Кавказъ хорошо знаю и вамъ сослужу, какъ самый близкій...

— Иди! — повелительно сказалъ незнакомецъ, сядя на прежнее мѣсто и передавая въ правую руку винтовку.

И, не понимая, куда идти, обратился къ агенту:

— Куда идти?

На это, указывая въ сторону рукой, отвѣтилъ Зелимханъ:

— Садись!

И отошелъ шаговъ 10 — 15 за агента, опустился на землю и тутъ только замѣтилъ по краямъ поляны стоявшихъ тѣлохранителей, стройныхъ, высокихъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, 2-хъ горцевъ съ винтовками, зорко глядѣвшихъ, одинъ въ лѣсъ, а другой на дорогу, вьющуюся въ горы.

Такъ въ молчаніи прошло время часовъ до одиннадцати. Солнце ярко свѣтило. Я немного освоился со своимъ глупымъ положеніемъ, изучая Зелимхана, который нѣсколько разъ вставалъ и прохаживался. Я замѣтилъ, что винтовка у него на ремнѣ и онъ часто передавалъ ее изъ одной руки въ другую, но не оставлялъ. (На концѣ винтовка тоже висѣла внизъ дуломъ подъ лѣвой рукой).

Фигура этого, въ сущности, обыкновеннаго теперь для меня человѣка, навела на мысль, почему это съ нимъ не могутъ справиться, и что будетъ, если онъ приметъ меня? Не использовать ли данный случай, постепенно приблизиться, выхватить его кинжалъ и убить, но... дѣйствительность останавливала, и я старался подавить въ себѣ чувство злобы, откладывая это до болѣе благопріятной обстановки. Размысленіямъ положилъ конецъ тѣлохранитель, подошедшій къ Зелимхану по его

знаку и принесшіи кувшинъ съ водой. Агентъ подозвалъ меня, и мы начали омовеніе, я и № 2 омыли ноги, руки и лицо изъ другого кувшина, а затѣмъ впереди сталъ Зелимханъ, которому подстелили бурку, за нимъ агентъ; я, снявъ шинель и оставшись въ одномъ бѣльѣ, сталъ рядомъ, и начали молитву. Тѣлохранитель все время стоялъ лѣвѣе меня, держа винтовку «на руку», что меня смущало. По окончаніи «намаза», тѣлохранитель сходилъ въ лѣсъ и принесъ котелокъ съ мясомъ. Зелимханъ сѣлъ и посадилъ агента и меня. Я сидѣлъ противъ Зелимхана, котораго тщательно разглядѣлъ, и вновь явилось сомнѣніе, дѣйствительно ли это тотъ необыкновенный разбойникъ. Я замѣтилъ подъ его халатомъ, одѣтые на перекрестъ патронташи, на поясѣ кинжалъ, но винтовку онъ, перекладывая изъ одной руки въ другую, крѣпко сжималъ въ ладони.

Произнеся «А псимилахъ Иррахмапъ Ирохимъ», начали ѣсть баранину съ солью и хлѣбомъ, затѣмъ бульонъ изъ большой чашки, передаваемой по очереди. Признаться сказать, ѣлъ я черезъ силу, не до ѣды было. Остатки отнесли другому тѣлохранителю, стоявшему на сторожѣ.

Во время ѣды винтовка лежала у Зелимхана на колѣняхъ, и тутъ мнѣ бросился въ глаза ея номеръ 22875, хорошо врѣзавшійся въ память.

Поблагодаривъ хозяина, отошли въ сторону, и я присѣлъ на землю, продолжая свои наблюденія и тревожась, когда по временамъ Зелимханъ, пристально посмотрѣвъ въ мою сторону, вдругъ вставалъ со своего мѣста. Въ эти моменты приходила мысль, не наступать ли конецъ мнѣ, но, вспомнивъ объ оставленной въ сундукѣ запискѣ, моментально успокаивался, соображая, какъ бы скорѣе приблизиться къ Зелимхану и выхватить у него оружіе. Такія же тревожныя минуты я переживалъ, когда къ Зелимхану подходилъ тѣлохранитель за полученіемъ какихъ-то распоряженій. Тогда я не спускалъ глазъ съ этой группы, но, къ счастью, на меня не обращали вниманія, и въ сознаніи моемъ постепенно укрѣплялась увѣренность, что я перехитрилъ этого хитрѣйшаго изъ разбойниковъ и съ нимъ, въ концѣ концовъ, справлюсь, несмотря на то, что вспоминалось, какъ товарищи по полку уже давно подтрунивали, говоря, что я сдѣлаю то же, что Долидзе или вахмистръ Чаировъ, одинъ убить, а другой ничего не сдѣлалъ. Несмотря на полную увѣренность, что съ этимъ, котораго я теперь вижу, я справлюсь, вдругъ являлось сомнѣніе: Зелимханъ ли это? Гдѣ же эта длинная борода, о которой говорили, описывая его внѣшность, гдѣ бросающіеся въ глаза шрамы на головѣ, чалма и прочее. А когда я попытался заговорить объ этомъ съ № 2, онъ шепотомъ, но рѣзко сказалъ: «не говори».

Солнце склонялось къ вечеру, и передъ закатомъ опять совершили намазъ, потомъ тѣмъ же тѣлохранителемъ принесенъ былъ большой котелъ съ мясомъ и бульономъ и хлѣбъ. Мы поѣли, но въ котлѣ осталось еще много всего. Тѣлохранитель отнесъ это въ лѣсъ и, вернувшись, сталъ на свой постъ, а черезъ короткое время принесъ котелъ пустымъ тотъ, который стоялъ утромъ на опушкѣ. Мнѣ бросилось въ глаза сходство между этими двумя тѣлохранителями, не братья ли они. Повидимому, тамъ въ лѣсу была большая компанія, если такъ скоро котелъ былъ опорожненъ.

Затѣмъ Зелимханъ обратился ко мнѣ на русскомъ языкѣ, и, такъ какъ я былъ совершенно спокоенъ, то хорошо запомнилъ его голосъ, повелительный тонъ его и слова, произнесенныя съ большимъ акцентомъ.

— Ты «мине» не нуженъ, я «никакой шайка» не пабираю, молись Аллаху, «ходи здѣсь» (указавъ рукой въ сторону, противную той, откуда мы пришли утромъ), а когда нужно, «я тебѣ» самъ найду.

Тотчасъ, какъ изъ земли, выросъ и сталъ справа отъ меня тѣлохранитель съ винтовкой на изготовку, а съ другой стороны подошелъ № 2 и, взявъ за рукавъ, повелъ. Взволнованный, я поклонился, и мы направились въ противоположную отъ лошадей сторону, къ кукурузному полю. Я подумалъ: не ведутъ ли меня убить? Прошли нѣсколько шаговъ, я зорко слѣдилъ, чтобы улучшить минуту и вырвать оружіе, но не рѣшался, рассчитывая на будущее. Идя рядомъ съ тѣлохранителемъ, я говорилъ ему:

— Какіе вы счастливые, у васъ такой «товарищъ», а я все скитаюсь...

Но отвѣта не послѣдовало и мы продолжали идти, вступивъ въ кукурузу, пройдя каковую, вышли на дорогу къ лѣсу, гдѣ были лошади. Начало темнѣть. Тѣлохранитель повернулся и сейчасъ же ушелъ, а агентъ, сказавъ, «я сейчасъ приду», тоже куда-то скрылся.

Мнѣ вообразилось, что меня хотятъ убить, такъ какъ въ ушахъ осталось впечатлѣніе противнаго голоса Зелимхана. Пользуясь наступившими сумерками, я отвязалъ свою клячу, у которой подъ ногами лежала объѣденная кукуруза, и завелъ ее въ кукурузное поле. Такъ какъ на такой клячѣ удрать было нельзя, то я ее бросилъ тамъ и поспѣшно пошелъ краемъ дороги, стараясь избѣгать встрѣчныхъ, для чего прятался въ кукурузу. Пришлось переходить по поясъ бродъ черезъ рѣку Хунхулау.

Такъ въ темнотѣ шелъ я часа два, вдругъ сзади послышался топотъ лошади. Я сошелъ съ дороги и прислушивался къ легкому свисту, въ которомъ опознала условный знакъ агента № 2, на что отвѣтилъ тоже свистомъ. Послѣ этого мы встрѣтились, и онъ удивился, зачѣмъ я убѣжалъ. Я сказалъ, что лошадь ушла. Мы объяснились, и тутъ онъ сказалъ, что это и былъ Зелимханъ. Затѣмъ № 2 предложилъ мнѣ сѣсть сзади него на крупъ лошади, и мы поѣхали къ Шали. Во время этого часового путешествія мы разговаривали о томъ, какъ хорошо я сдѣлалъ, что придумалъ такой костюмъ, а № 2 высказалъ удивленіе моему хладнокровію въ разговорѣ на свиданіи.

— Даже на лицѣ ничего не было замѣтно,—сказалъ мнѣ № 2.

Я прихвастнулъ, что виды видалъ и даже лошадей воровалъ, а потому спрашиваюсь съ собою очень легко.

— Да,—сказалъ № 2,—ты подходящій для Зелимхана.

Это меня очень подбодрило. Не доѣзжая до аула, я слѣзъ и, распростившись съ агентомъ, пробрался къ себѣ уже къ разсвѣту, никѣмъ не замѣченный. Когда я увидѣлъ себя въ зеркало страшно блѣднымъ отъ усталости, я расхохотался.

Раздѣвшись, я запряталъ свой костюмъ, но заснуть не могъ, подводя итоги пережитаго, все таки сомнѣваясь, Зелимхана ли видѣлъ: ничего особеннаго въ немъ нѣтъ, а столько моихъ молодцевъ убилъ. Правда, спокойствіе его при отдачѣ распоряженій и дисциплина меня поражали. вмѣстѣ съ тѣмъ, являлся вопросъ, какъ я могъ рѣшиться на такое рискованное свиданіе, но разъ оно прошло такъ благополучно, то меня это радовало и особенно тянуло докончить дѣло. «Теперь я, думаю я, буду искать случая увидѣть его въ толпѣ на базарѣ, такъ какъ говорили, будто онъ бывалъ въ Шали переодѣтымъ. Какъ же мнѣ провѣрить, что это дѣйствительно былъ Зелимханъ?»!

Мнѣ пришло въ голову послать агента № 1 ранѣе, чѣмъ онъ повидается съ № 2, кстати этимъ я провѣрю и № 2.

Зная самолюбіе туземцевъ и ихъ характеръ, я немедленно рѣшился его отыскать и, выйдя изъ дому, перваго, кого встрѣтилъ, былъ № 1, какъ оказалось, направлявшійся къ № 2. Я ему сказалъ:

— Ты говорилъ, что все хорошо знаешь о Зелимханѣ, а я думаю, что ты его никогда не видѣлъ и ничего о немъ не знаешь, а только меня обманываешь.

№ 1 вспыхнулъ и, покраснѣвъ, сказалъ:

— Если мнѣ не вѣришь, Астимиръ, то бери себѣ мое оружіе и не надо мнѣ никакого разрѣшенія, тогда значить № 2 его никогда не видѣлъ и тѣ, кто возлѣ Зелимхана, тоже его не знаютъ, и Хорачой его не знаетъ. Если я его не знаю, то никто его не знаетъ, а я даю клятву, что хорошо его знаю: «Оллахи лязымъ, билляхи Керимъ¹⁾!», если я его не знаю.

— Вотъ видишь,—сказалъ я ему,—ты сердишься, а я съ тобой пошутилъ. Вѣрю, что ты его знаешь, но мнѣ хочется скорѣе къ нему устроиться, вотъ почему я такъ недовѣрчивъ, дѣло очень долго тянется.

— Чѣмъ же я тебѣ докажу,—спросилъ № 1,—что я его знаю, чтобы мнѣ больше не слышать недовѣрія.

— Скажи, въ чемъ онъ обыкновенно одѣтъ, ну и хотя бы замѣть номеръ его винтовки,—отвѣтилъ я.

— Я тебѣ не только номеръ винтовки узнаю, а скажу, что у него въ карманѣ.

Послѣ этого мы разошлись. Чтобы не показался страннымъ мой продолжительный разговоръ съ № 1 среди бѣла дня въ людномъ мѣстѣ, я долженъ сказать, что никому не могло придти въ голову, что № 1—мой тайный агентъ, такъ какъ съ нимъ я былъ знакомъ уже года три, стоялъ у него съ командою въ домѣ, и онъ не разъ бывалъ у меня, конечно, не подозрѣвая, кто его знакомый.

На другой день, вечеромъ, № 1 рассказалъ мнѣ подробно, въ чемъ одѣтъ Зелимханъ, точно назвалъ номеръ винтовки и прочія мелочи, давъ мнѣ полную увѣренность, что оба агента близки къ Зелимхану.

Послѣ всего этого я написалъ подробный рапортъ начальнику военнаго отряда, изложивъ и свиданіе, и съ надежнымъ нарочнымъ отправилъ его въ Грозный.

Дней пять спустя агенты сообщили мнѣ, что Зелимханъ будетъ въ аулѣ Автури, куда подъ вымышленнымъ предлогомъ я съѣздилъ съ хозяиномъ моей квартиры чеченцемъ и узналъ, что въ Автури Зелимхана нѣтъ. Опять закралось сомнѣніе.

Вскорѣ я получилъ приказаніе прислать лошадей полковника Маргани въ Грозный и узналъ, что командиръ произведенъ за отличіе въ генералы и уѣзжаетъ въ Персію, а его замѣстителемъ назначается нашъ есаулъ Штольдеръ. Черезъ нѣсколько дней ночью я къ нему явился и получилъ въ секретномъ предписаніи подтвержденіе моихъ полномочій, причѣмъ новый начальникъ отряда сказалъ, чтобы я дѣйствовалъ по собственной инициативѣ и доносилъ бы только тогда, когда нужна помощь, самое же лучшее донесеніе будетъ о поимкѣ или уничтоженіи Зелимхана.

¹⁾ Наивысшее клятвенное доказательство на чеченскомъ языкѣ.

Это окончательно развязало мнѣ руки, я удвоилъ энергію, не отвлекаясь необходимостью почти о каждомъ своемъ шагѣ сообщать телеграфомъ и тѣмъ выдавать свои намѣренія.

16-го сентября № 2 доложилъ, что Зелимханъ придетъ поздно вечеромъ въ Шали въ крайній домъ и что онъ уговорилъ Зелимхана меня принять. Передъ заходомъ солнца, переодѣвшись въ простого чеченца, захвативъ водки, пива, меда и конфектъ, я съ наступленіемъ сумерокъ былъ въ указанномъ домѣ, гдѣ устроилъ съ хозяиномъ и хозяйкой пирушку. По обычаю, положивъ въ стаканъ съ пивомъ золотой пятирублевикъ, выпилъ пополамъ съ хозяйкой, послѣ чего имѣлъ право называть ее сестрой и бывать даже въ отсутствіи мужа.

Бесѣда пошла откровеннѣе, хозяинъ порядочно выпилъ. Пользуясь расположеніемъ ко мнѣ хозяйки, я упросилъ ее помочь мнѣ познакомиться съ ея рѣдкими гостями, на что она согласилась и просила, чтобы я остался сегодня до ихъ прихода, но хозяинъ сказалъ, что онъ позоветъ, когда гости придутъ. Я не очень настаивалъ и, въ виду наступившей темноты, ушелъ. Хозяйка проводила меня до воротъ, а съ хозяиномъ мы прошли нѣсколько дальше. Я похвалилъ хозяину внутреннее устройство дома и постройки и въ то же время окинулъ глазомъ окружающую мѣстность, подумавъ, что мѣсто и случай очень подходящи для поимки абрека. Распростившись съ хозяиномъ, я, отойдя нѣсколько шаговъ, замѣтилъ близъ дороги яму, въ которой выдѣлываютъ саманный кирпичъ, мимо нея должны проходить въ ворота дома. Мнѣ пришла въ голову мысль сѣсть въ яму для наблюденія, что я и сдѣлалъ. Это было около 9-ти часовъ, когда наступила полная темнота. Вскорѣ я увидѣлъ, какъ въ ворота вошелъ человекъ, но разсмотрѣть за темнотой, былъ ли то Зелимханъ, не удалось, хотя что-то подсказывало, что это онъ. Ворота закрылись.

Когда все стихло, я вылѣзъ изъ ямы и ближнимъ путемъ направился къ своей командѣ, до которой было не болѣе версты, но, какъ быстро ни собирались, все же времени прошло достаточно. Предупредивъ команду, что идемъ окружить крайній домъ, я, какъ былъ въ бешметѣ съ кинжаломъ и револьверомъ, повелъ команду, избѣгая встрѣчныхъ. Нельзя было идти быстро потому, что чеченцы ложатся спать поздно и по улицамъ постоянно шатается народъ съ вечеринки на вечеринку. Ихъ-то я и старался избѣгать, чтобы не заподозрили, что идемъ на обыскъ и какъ нибудь не предупредили. Подходя въ полной тишинѣ къ пустырю, смежному съ намѣченнымъ домомъ, я размѣстилъ команду скрытно за плетнемъ. Ночь была очень темная. Вдругъ вдали блеснулъ слабый свѣтъ, и мы увидѣли человека со свѣчей въ рукѣ, идущаго къ воротамъ этого дома, а затѣмъ скрывшагося во дворъ. Предупредивъ, чтобы сохраняли полную тишину и никому не отвѣчали бы, я пошелъ поближе къ дому, сквозь ставни котораго пробивался свѣтъ. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ изъ воротъ дома вышелъ человекъ, направляясь въ мою сторону. Когда мы встрѣтились, я узналъ въ немъ хозяина, рассказавшаго мнѣ слѣдующее:

— Я шелъ къ тебѣ, чтобы сообщить, что Зелимханъ не захотѣлъ сегодня оставаться дольше, такъ какъ, говоритъ, видѣлъ наканунѣ пехорошій сонъ, а потому торопился домой и больше сюда не придетъ. Когда онъ уходилъ, то мы съ женой его провожали. Впередѣ шелъ его спутникъ, на котораго, откуда ни возмись, бросилась какая-то собака, ухватившая за фалду его черкесски. Зелимханъ вы-

хватилъ кинжалъ и, замахнувшись на собаку, печально задѣлъ руку моей жены, близко шедшей, и поранилъ настолько сильно, что она съ крикомъ упала. Ее внесли въ домъ, и Зелимханъ, имѣя постоянно при себѣ перевязочныя средства, сейчасъ же перевязалъ ей рану, отдалъ свой кинжалъ тѣлохранителю, взявъ его кинжалъ себѣ, распростился и сумрачный посиѣшно ушелъ.

У чеченцевъ считается за недостойное пролить кровь женщины, и оружіе, которымъ это сдѣлано, приносить несчастіе его владѣльцу, къ тому же и собака коснулась его, а собаку чеченецъ даже не гладитъ, такъ какъ послѣ этого нельзя дѣлать намазъ.

— Что же дѣлать?—спросилъ я.—Мнѣ очень жаль, что поранили сестру.

Такъ какъ было уже поздно (около часа ночи), то, распростившись и отклонивъ предложеніе хозяина меня проводить подъ предлогомъ, чтобы насъ не видѣли вмѣстѣ, я проводилъ его до воротъ, сказавъ, что завтра зайду навѣдать сестру. Когда онъ скрылся за воротами, я подошелъ къ командѣ и провелъ ее по окраинамъ аула, сказавъ, что того абрека, о которомъ говорилъ, не оказалось.

Х.

На другой день я былъ у «новой» сестры, и такъ какъ пораненіе было серьезное, то отвезъ ее съ мужемъ во Владикавказскій госпиталь, гдѣ, по моей особой просьбѣ, ее недѣлю лѣчили. Когда мы ѣхали во Владикавказъ, мужъ ея мнѣ сказалъ:

— Теперь я вѣрю, Астимиръ, что ты мнѣ близкій.

— Вѣдь это нашъ обычай,—отвѣтилъ я,—иначе нельзя поступить.

— Теперь мнѣ трудно съ тобой разстаться,—сказалъ чеченецъ,—я у тебя въ долгу.

Черезъ день я вернулся въ Шали, а 22-го сентября № 2 далъ мнѣ знать, что въ аулъ Гременчукъ, въ 3-хъ верстахъ отъ меня, гдѣ стоитъ 35 всадниковъ второй сотни подъ командой прапорщика Абдулаева, придутъ 6 абрековъ. Надѣвъ черкеску безъ погонь, кинжалъ и револьверъ и взявъ съ собою юнкера Муртазали, я къ вечеру же былъ въ Гременчукѣ. Къ Абдулаеву я не заходилъ, а остановился у одного знакомаго, сказавъ, что хочу просватать этого юнкера на дочери хозяина. Оставивъ у нихъ юнкера и лошадей и предупредивъ его, что если не скоро вернусь, то онъ ѣхалъ бы домой и взялъ мою лошадь, а я приду потомъ, но чтобы команда была на готовѣ.

№ 2 долженъ былъ меня ждать въ заранѣе указанномъ мнѣ домѣ, куда я и пошелъ. Сквозь открытое окно я увидѣлъ танцы, веселье и много народа. По туземному обычаю, всякій можетъ войти гостемъ,—мѣсто ему уступать. Недаромъ обычай этотъ воспѣвается:

«Иамъ каждый гость дается Богомъ.
Какой бы не былъ онъ среды...
У насъ подъ сѣпью каждой хаты
Есть уголокъ для кунака»...

Но я не входилъ и лишь замѣтилъ № 2, сидѣвшаго на почетномъ мѣстѣ (справа на тахтѣ всегда сидятъ почетные гости), и рядомъ съ нимъ двухъ молодыхъ вооруженныхъ, мнѣ неизвѣстныхъ. Веселье было въ полномъ разгарѣ, одни уходили, а новыя лица входили. Я посмотрѣлъ около полчаса, но никого «знако-

мыхъ», кромѣ № 2, не видѣлъ. Онъ вскорѣ всталъ и съ нимъ оба вооруженные перешли въ сосѣдній дворъ, откуда минутъ черезъ 5 выѣхали 6 всадниковъ въ буркахъ, съ головами, обвязанными башлыками. Они проѣхали мимо меня, освѣщаемые свѣтомъ изъ оконъ, и направились по крайнѣ въ сторону Шали, я пошелъ за ними, но, увидя, что они свернули въ горы, отправился домой.

XI.

24-го сентября, не задолго до разсвѣта, когда еще спалъ, я былъ разбуженъ сигнальнымъ стукомъ въ окно, открывъ которое, увидѣлъ № 2 въ буркѣ. Быстро одѣвшись, я пошелъ на условное мѣсто, гдѣ № 2 мнѣ сказалъ, что «они» сегодня на хуторѣ въ горахъ и что онъ пришелъ на базаръ купить для нихъ провизію.

Когда я спросилъ названіе хутора, то агентъ не назвалъ его, указавъ лишь направленіе, при этомъ добавилъ, что ему очень нужны патроны къ 3-хъ линейной винтовкѣ и патронташъ.

— Иди покупать провизію на базарѣ,—сказалъ я ему,—а я постараюсь принести тебѣ патроны.

Долго я колебался давать патроны, но затѣмъ, размысливъ, что этимъ усыплю ихъ сомнѣніе въ моемъ желаніи присоединиться къ нимъ, рѣшилъ дать свой изъ черной кожи патронташъ съ 55-ю патронами, которые принесъ подъ буркой и положилъ ему въ хуржины (переметныя сумы).

Моя квартира была около базара. Быстро вернувшись, я приказалъ юнкеру Муртазали посѣдлатъ мою и его лошадей, и, какъ былъ въ одномъ бешметѣ, выждавъ отъѣзда № 2 изъ аула, мы сѣли на лошадей и на достаточной дистанціи поѣхали прослѣдить, куда онъ направится.

Проѣхавъ верстѣ 15 до хуторовъ въ 20—30 домовъ, скрывающихся въ лѣсу, мы вѣхали въ глубь лѣса, гдѣ я слѣзъ и передалъ лошадь юнкеру, а самъ занялъ наблюдательный пунктъ на опушкѣ, откуда были видны окрестности, какъ на ладони. Спустя часъ изъ хутора, куда вѣхалъ № 2, показались въ буркахъ 8 человекъ пѣшихъ и по тропинкѣ черезъ кукурузу направились къ Шали. Среди нихъ выдѣлялся одинъ своей фигурой — это былъ мой № 2. Пройдя кукурузу, они свернули въ хорошо знакомый мнѣ еще съ 1911 года лѣсъ, въ которомъ были двѣ маленькія уединенныя сакли.

Въ нихъ доживали свой вѣкъ дряхлые старикъ и старуха, чеченны родомъ изъ аула Хорачоя, гдѣ старикъ долгое время былъ пастухомъ и зналъ Зелимхана еще съ дѣтства. Другого жилья, кромѣ этихъ двухъ саклей, вблизи не было, кругомъ непролазный, густой лѣсъ, черезъ который ведетъ только одна тропинка въ горы, тыломъ къ нимъ и стоять сакли. Лѣсъ этотъ тянется отъ подошвы горъ почти до аула Шали, до котораго было верстѣ 15, и мнѣ хорошо была извѣстна не особенно торная дорога, проходящая отъ Шали невдалекѣ отъ названныхъ саклей, о расположеніи которыхъ можно было догадаться только тому, кто зналъ о ихъ существованіи, какъ я, обследовавшій окрестности Шали.

Теперь мнѣ ясно поведеніе № 2, мелькнуло у меня въ головѣ, рассказываетъ Кибировъ: № 2 въ числѣ 8-ми человекъ пѣшихъ отправился въ эти сакли, гдѣ, вѣроятно, и Зелимханъ. Вотъ удобный пунктъ для захвата абрека, подумалъ я, и, не теряя ни минуты, отправилъ юнкера Муртазали въ Шали съ приказаніемъ, чтобы

ни одинъ человекъ изъ команды никуда не отлучался до моего возвращенія, а самъ продолжалъ слѣдить за опушкой, куда скрылись 8 человекъ.

Еще съ утра небо было покрыто густыми облаками и теперь, несмотря на приближающійся полдень, солнце ни на минуту не выглядывало, можно было ожидать къ вечеру дождя.

Вскорѣ изъ опушки вышли 4 пѣшихъ, направившихся черезъ кукурузу въ горы, и въ теченіе почти двухъ скучныхъ часовъ никого не было видно, пока тѣ же люди не возвратились съ горъ обратно на опушку лѣса, откуда выходили. Черезъ короткое время изъ этого же пункта выѣхали два всадника и направились въ сторону Шали. Въ одномъ изъ нихъ, на знакомомъ мнѣ ворономъ конѣ, я узналъ № 2.

Сѣвъ на коня, я скрытно кружнымъ путемъ отправился въ Шали, куда приискалъ къ 4 часамъ. Черезъ полчаса, идя на базаръ, меня встрѣтилъ № 2 и сказалъ:

— Сегодня будешь принять, о часѣ скажу.

ХІІ.

Теперь никакихъ сомнѣній нѣтъ, рассказываетъ Кибировъ, подходятъ рѣшительныя минуты и каждый мигъ дорогъ. Планъ созрѣлъ окончательно, и я, не слыша подъ собой ногъ, пришелъ въ команду, взявъ юнкера Закаря-Гебекова и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Гременчукъ, гдѣ стояла команда 2-й сотни съ прапорщикомъ Абдулаевымъ; быстро собралъ ихъ въ укромномъ мѣстѣ, оставивъ двухъ всадниковъ чеченцевъ и больныхъ на конюшнѣ, обратился къ собраннымъ людямъ со слѣдующими словами:

— Всѣ вы хорошо знаете, сколько въ Терской области погублено абреками вашихъ братьевъ, и мы въ преслѣдованіи всегда терпѣли неудачу. Теперь предстоитъ окружить двѣ сакли. Гдѣ это мѣсто и кто тамъ есть, сейчасъ я говорить не буду, но дайте мнѣ слово, что каждый будетъ считать своимъ долгомъ, послѣ моего приказанія «стрѣлять!», убить всѣхъ, кто будетъ въ тѣхъ сакляхъ. Но помните, что стрѣлять только по моему приказанію. Тамъ будетъ человекъ (не произнеся имени Зелимхана, подробно описалъ, кромѣ халата, одежду его, фигуру и назвалъ померъ винтовки), котораго и нужно уничтожить. Кто боится идти на это дѣло, — оставайся, а я даю клятву, что не только не упрекну того, но даже никогда не произнесу его имени.

Эти слова перевелъ на кумыкскій и аварскій языки юнкеръ Закаря-Гебековъ.

Всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили:

— Готовы умереть съ тобой!

Послѣ этого я продолжалъ:

— Дайте клятву въ томъ, что ни одного слова никому не передадите изъ того, что я вамъ говорилъ.

Послѣ этого принесли коранъ, и всѣ поклялись, а я, въ свою очередь, побожился, сказавъ, что, если ктонибудь отстанетъ хотя на шагъ отъ товарищей или если выпуститъ оттуда хотя одного, то ихъ будетъ счастье, если я буду убить, если же уцѣлѣю, то оставшихъ перестрѣляю.

Эти слова юнкеръ тоже перевелъ, послѣ чего всѣ громко отвѣтили:

— Не отстанемъ и никого живьемъ не выпустимъ.

Прапорщику Абдулаеву приказаль тотчасъ выдать по 120-ти патроновъ, людамъ одѣть только бешметы, взять кинжалы и впнтовки, но шапекъ и бурокъ не брать. Въ буркахъ почью быстро засыпаютъ, особенно въ дождь, а небо все хмурилось и хмурилось, и, въ концѣ концовъ, полиль дождь.

Черезъ 10 минутъ команда была готова, и я лично осмотрѣль, чтобы не было спичекъ и папиросъ, зная ихъ непреодолимую страсть къ куренію.

Въ своемъ присутствіи приказаль сѣдлатъ, взять торбы съ овсомъ для лошадей, и черезъ $\frac{1}{4}$ часа мы выступили изъ аула, послѣ чего прапорщику Абдулаеву приказаль вести команду по кукурузѣ къ Шали, куда не входить, а ожидать меня, самъ же я быстро туда поѣхаль съ юнкеромъ. Приѣхавъ въ Шали, я такъ же поступилъ со своей командой, назначивъ, на случай моей смерти, замѣстителей юнкеровъ Муртазали и Гебекова.

Навстрѣчу Абдулаеву послаль всадника ожидать меня въ кукурузѣ, отнюдь не вѣзкая въ ауль, самъ же вошелъ къ себѣ въ квартиру и заготовилъ телеграммы: 1) Иду окружить, людей мало. 2) Окружилъ, перестрѣлка идетъ. 3) Зелимханъ взять въ плѣнъ. 4) Зелимханъ убить, съ нашей стороны ранены... Какъ прикажете поступить съ трупомъ?

Отдаленные, еще пока глухіе, раскаты грома, усиливающійся дождь, наступившая темнота, прерываемая далекой молніей, повышали боевое настроеніе, давая мнѣ поводъ думать, что обстановка складывается въ мою пользу: *«легче будетъ подойти незамѣченнымъ»*.

Обратите, читатель, на это особое вниманіе. Меня эти слова привели въ восторгъ, я подумаль: «дирижабли и аэропланы, что вы будете дѣлать въ такой обстановкѣ?» Только «чистокровная военная натура¹⁾», каковая у большинства нашихъ молодцовъ казаковъ, можетъ такъ чутко реагировать. Когда Кибировъ рассказываль мнѣ это мѣсто и ему подобныя, всякій разъ въ интонаціи его голоса чувствовался соотвѣтствующій подъемъ, улавливался тонъ искренности, изъ чего можно заключить, что онъ, дѣйствительно, вновь переживаль настроеніе, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже семь мѣсяцевъ и утромъ въ день этого рассказа ему вынули изъ незажившей раны осколокъ кости. Я невольно подумаль: «кто же долженъ быть въ составѣ комиссіи для производства поручику Кибирову офицерскаго экзамена? Не попросить ли спиритовъ вызвать изъ царства тѣней духъ Скобелева?»—такъ отвѣтило мое крайнее разумѣніе.

Но послушаемъ, что дальше говоритъ казакъ Кибировъ. Затѣмъ послаль правительственному старшицѣ Михаилу Зелихову (бывшій урядникъ изъ вольноопредѣляющихся) предписаніе арестовать «одного человѣка», могущаго меня выдать. Въ послѣднюю минуту передъ уходомъ послаль вышеупомянутую первую денешу, а остальные и чистую бумагу взялъ съ собою, написалъ письмо матери и женѣ, вложилъ его въ конвертъ съ завѣщаніемъ и, заперевъ сундукъ, вышелъ, сказавъ денщику, который всегда просился взять его въ дѣло, что ѣду въ Грозное. Темнота и дождь усилились.

1) Если особенно мы цѣнимъ чистокровныхъ коней, доказавшихъ свои качества на ипподромѣ, то не слѣдуетъ ли и людей, доказавшихъ воинскую доблесть и пролившихъ свою кровь, считать за «чистокровныхъ вопновъ». Нѣмцы, навѣрное, считали бы нашихъ казаковъ «Folblut».

XIII.

Вызвавъ команду, провелъ ее въ кукурузу къ мѣсту ожиданія прапорщика Абдулаева и всѣхъ повелъ опушкой аула по направленію къ пути на «Двѣ сакли».

Гроза подходила все ближе и ближе, и дождь, послѣ ослѣпительной молніи и трескучихъ ударовъ грома, переходилъ въ ливень. Такой грозы, какъ въ ночь на 25-е сентября, я давно не помню.

Выйдя за околицу аула, остановилъ отрядъ и послалъ за старшиной и его помощникомъ, сказавъ, чтобы они были верхомъ; не выходя изъ кукурузы, спѣшился, передалъ свою винтовку и ушелъ къ «особому дому», приказавъ меня ждать. На мой стукъ въ окно вышелъ № 2, и я ему предложилъ «отправиться и передать», что я приду сейчасъ; конечно, я ничего не сказалъ о подготовкѣ командъ. Вышелъ и № 1, оказавшійся въ томъ же «особнякѣ».

Условившись о мѣстѣ встрѣчи на перекресткѣ, скрытно дождавшись ихъ выѣзда, я поторопился къ командѣ, которой сказалъ, что ко мнѣ выйдутъ два человѣка и я буду съ ними говорить, но изъ команды, несмотря ни на что, никто не долженъ подходить, словомъ, до моего приказанія себя не выдавать. Въ это время подѣхалъ старшина и сказалъ, что «того» пѣтъ, онъ за нѣсколько минутъ ушелъ въ поле и взялъ съ собою обильный ужинъ. Потребовавъ, чтобы немедленно его вернули, иначе старшина будетъ отвѣчать «по закону объ усиленной охранѣ» (я былъ пачальникъ гарнизона), я посадилъ команду и повелъ въ направленіи «Двухъ саклей». Не прошло и полчаса, какъ привели «его» намъ навстрѣчу, въ рукахъ у этого человѣка былъ полный ужинъ съ мясомъ, бѣлый хлѣбъ и виноградъ. Его отвели въ арестный домъ въ Шали. Ясно было, для кого онъ несъ ужинъ.

Отойдя широкимъ шагомъ версть 7 и объяснивъ за это время прапорщику Абдулаеву и юнкерамъ мой планъ, а мѣсто имъ было хорошо извѣстно, я приказалъ вести команду юнкеру Муртазали, самъ же поѣхалъ впередъ рысью на порядочное разстояніе и черезъ 3 версты встрѣтилъ № 1 и № 2, поджидавшихъ меня въ условленномъ мѣстѣ, съ которыми и отправился дальше. Лившій дождь скрывалъ шумъ отъ движенія командъ. Команда Абдулаева шла въ отдаленіи. Дойдя до перекрестка, остановился, какъ бы желая съ ними обдумать подробности предстоящаго свиданія, а, въ сущности, для того, чтобы дать приблизиться командѣ, которая подъ шумъ ливня, выросла, какъ изъ земли.

Сильно смущеннымъ голосомъ оба номера спросили:

— Что это за люди?

Я отвѣтилъ, что это моя команда, которая рѣшила «перейти» вмѣстѣ со мною.

Прошло минутъ пять въ переговорахъ. Я настойчиво говорилъ, что, въ доказательство искренности нашего намѣренія, передадимъ раньше оружіе, а затѣмъ явима по очереди и т. д. Словомъ, не далъ имъ возможности отвѣчать и, замѣтя, что № 1 догадался, въ чемъ дѣло, подозвалъ условленнымъ знакомъ прапорщика Абдулаева, которому передалъ № 1, направивъ съ его командой по заранѣе объясненному Абдулаеву обходу въ тылъ саклямъ, на путь могущаго быть отступленія абрековъ въ горы. При этомъ шепотомъ напомнилъ Абдулаеву, чтобы ушелъ, когда мы тронемся, и подтвердилъ ему, чтобы, не взирая на выстрѣлы у меня, на обумъ

не стрѣлялъ и со своей позиціи не сходилъ. № 2 стоялъ въ двухъ шагахъ, оцѣпенѣвъ отъ неожиданности.

Затѣмъ я съ нимъ поѣхалъ впередъ, а за нами мои молодцы. перейдя рѣчку, свернули лѣсомъ прямо къ саклямъ, въ двухъ верстахъ отъ которыхъ спѣшился и лошадей привязалъ къ деревьямъ такъ, чтобы не могли драться, оставивъ при нихъ 4-хъ человекъ. № 2 тоже спѣшилъ и уже не отпускалъ его отъ себя ни на шагъ, не говоря съ нимъ ни слова. Старшему при коноводахъ приказалъ, чтобы, при приближеніи кого либо, прежде всего «братъ на изготовку», а затѣмъ окликать. Распорядился такъ потому, что бывали случаи, что абреки, прорвавшись, подбѣгали къ лошадямъ, вскакивалъ въ сѣдло и угонялъ лошадей.

Гроза и дождь, временно затихшіе, снова усиливались. Всѣ мы, конечно, давно промокли до нитки. Всѣ мои помыслы теперь были у «Двухъ саклей». Въ такой ливень и грозу, конечно, насъ не ожидаютъ, и изъ сакли тоже никто не выйдетъ, поэтому приблизиться возможно будетъ совершенно незамѣтно. Быстро построивъ 24 человекъ въ колонну по три (средній былъ начальникомъ тройки, котораго должны были непрекословно слушаться), я съ № 2 пошелъ впередъ, имѣя изъ команды Абдулаева переводчика, чтобы контролировать № 2 при переговорахъ съ Зелимханомъ. Юнкеру Гебекову подчинилъ 12 человекъ головныхъ, а Муртазали со своими 12-ю слѣдовалъ за ними.

По сторонамъ дорожки была непролазная чаща. Подходили, по временамъ прислушиваясь. По мѣрѣ приближенія, сильно взволнованный № 2 началъ спрашивать, чтобы, когда подойдетъ, пустить его впередъ, что я для успокоенія ему и обѣщалъ.

Зная, что у дороги стоялъ стогъ, за которымъ нужно было начать окруженіе, такъ какъ отъ него оставалось до саклей не больше 40—50-ти шаговъ, а за темнотою и дождемъ трудно было что либо различить, я шелъ медленно, напряженно прислушиваясь и вглядываясь.

Настроеніе было сильно приподнято по понятнымъ причинамъ. Развязка, такъ долго ожидаемая, могла вотъ, вотъ начаться. Дождь, лившій какъ изъ ведра, совершенно застилалъ глаза, а грохотавшій надъ головою громъ грозно разносился раскатами по сосѣднимъ горамъ. По грязной дорогѣ струился цѣлый ручей, по которому шли почти по щиколодку.

XIV.

Вдругъ отдаленнымъ отблескомъ молніи на мгновеніе освѣтилась верхушка силуэта стога въ 5-ти шагахъ отъ меня и вслѣдъ за нимъ послышался со стороны саклей лай собаки, сливаясь съ которымъ, оттуда же ясно раздался крикъ по чеченски:

— Хо милю (кто такой)?

И мигомъ оттолкнувъ № 2 (который, какъ оказалось потомъ, удралъ къ коноводамъ). Ко мнѣ подскочилъ юнкеръ Муртазали, люди же столпились за стогъ. Вдругъ заблестѣла сквозь деревья полоска свѣта изъ сакли, обрисовавъ дверь, завѣшанную паласомъ. Я бросился впередъ на этотъ свѣтъ, но между мною и саклей оказалась бѣгающая вдоль веревки, растянутой на двухъ ниже моего роста кольяхъ, и съ остервенѣніемъ лающая цѣпная собака. Я крикнулъ на

ходу: «окружить саклю!». Въ это время изъ сакли, отодвинувъ палась, выскочили двѣ фигуры, скрывшіяся въ темнотѣ. Подбадривая людей, я крикнулъ въ ихъ сторону:

— Съ вами ли бояться мнѣ кого либо!—и бросился къ двери, но въ этотъ моментъ свѣтъ въ саклѣ потухъ. Собака бросилась въ сторону, куда одинъ флангъ цѣпи моихъ стрѣлковъ уже подходилъ, а я, нагнувшись подъ веревку, приблизился къ саклѣ, но, споткнувшись обо что-то, или меня толкнула собака, хорошо не помню, я упалъ и, поднимаясь, услышалъ изъ другой сакли старческой голосъ женщины, унимавшей собаку. Повернувшись въ ту сторону, я близко отъ себя замѣтилъ въ темнотѣ фигуру. Чтобы яснѣе различить ее, я присѣлъ къ землѣ и мнѣ обрисовался силуэтъ шагахъ въ 6-ти. Боясь, что это старикъ или старуха, я окликнулъ по-чеченски:

— Если ты хозяинъ, то иди ко мнѣ.

На это послѣдовалъ выстрѣлъ и снова щелкнулъ затворъ, а я почувствовалъ ударъ въ правое плечо чѣмъ-то тяжелымъ и тупымъ, послѣ чего правая рука будто стала вертѣться, произвольно выдѣлывая необъяснимыя движенія. Падая на спину, я понялъ, что раненъ и передо мною не хозяинъ. На мгновение я потерялъ сознание, но, быстро придя въ себя и ощущая сильнѣйшую боль въ правомъ плечѣ и рукѣ, я почувствовалъ, какъ что-то горячее течетъ отъ плеча по правому боку, спинѣ и рукѣ, которая совершенно онѣмѣла.

Никогда я не испытывалъ такого чувства злобы, какъ въ этотъ моментъ, понимая, что я раненъ Зелимханомъ, съ именемъ котораго въ мигъ вспомнились всѣ его убійства. Напрягая всѣ силы, чтобы встать, я вдругъ услышалъ второй выстрѣлъ, и пуля ударила гдѣ-то въ землю, обдавъ мнѣ лицо грязью, и я снова на мгновение потерялъ сознание. Но столь же мгновенно лѣвой рукой я вырвалъ револьверъ изъ кобуры и, привставъ на корточки, вытянулъ его впередъ на изготовку въ сторону, откуда были выстрѣлы. Силуэта, стрѣлявшаго въ меня, за темнотою и дождемъ, я не различалъ. Вдругъ нѣсколько непрерывныхъ молній освѣтили, стоящую ко мнѣ правымъ плечомъ въ 5-ти шагахъ отъ меня, знакомую фигуру Зелимхана, смотрѣвшаго влѣво, високъ котораго приходился на мушкетъ револьвера. «Само небо, подумалъ я, покровительствуетъ мнѣ», и эта мысль заглушила боль. Одѣтъ онъ былъ въ бешметъ верблюжьяго сукна, накрестъ патронташи и подпоясанъ моимъ патронташемъ, на головѣ знакомая коричневая папаха, весь измокшій отъ дождя, съ напряженнымъ взглядомъ, устремленнымъ къ правому флангу цѣпи моихъ стрѣлковъ, куда бросалась собака, въ рукахъ сжималъ винтовку, держа ее на изготовку. Вниманіе его къ правому флангу, вѣроятно, и спасло меня.

Моментально я произвелъ одинъ за другимъ 4 выстрѣла, цѣлясь въ правый високъ, но послѣдніе выстрѣлы были въ темнотѣ. Вслѣдъ за первымъ раздался рѣзкій крикъ: «Ой! Аллахъ», и что-то грохнулось на землю. Блескъ молнии далъ возможность разглядѣть въ 4-хъ шагахъ отъ меня Зелимхана, облѣпленнаго грязью, съ окровавленнымъ лицомъ, на корточкахъ направляющагося въ мою сторону, держа винтовку на изготовкѣ. На мигъ наши глаза встрѣтились, и онъ произвелъ еще выстрѣлъ уже въ темнотѣ, пуля пролетѣла возлѣ моего уха. Сильный ударъ грома и за нимъ ливень и темнота скрыли насъ другъ отъ друга. Но какъ сейчасъ помню этотъ, вѣроятно, оставшійся на вѣки въ памяти, кровавый взоръ разбойника и его окровавленный носъ, съ котораго стекала на обѣ мокрыя щеки кровь.

Отъ большой потери крови я сталъ ослабѣвать. Напрягая всё усилія, я поползъ назадъ къ цѣпи и наткнулся на юнкера Муртазали, который, какъ оказалось, ползъ ко мнѣ. Коснувшись меня, онъ спросилъ «кто?», я лишь успѣлъ отвѣтить: «тише это я», какъ со стороны Зелимхана раздался одиночный выстрѣлъ.

— Стрѣляй!—крикнулъ я.

Съ обѣихъ сторонъ поднялась жаркая перестрѣлка, продолжавшаяся минутъ 5—8, во время которой молнія неоднократно освѣщала Зелимхана, то лежащаго, то на одномъ колѣнѣ, а, въ концѣ концовъ, куда-то скрывшагося. Рѣзкіе удары и грохотъ грома съ раскатами въ горахъ почти заглушали трескъ выстрѣловъ и свистъ пуль. Что-то дьявольское творилось въ природѣ. Такой адской обстановки не приходилось переживать и на войнѣ.

На мгновеніе перестрѣлка и раскаты грома затихли, а сквозь шумъ дожди послышался изъ сакли протяжный голосъ женскаго дисканта, называвшаго по-аварски и чеченски какія-то имена, послѣ чего совершенно ясно на русскомъ языкѣ раздались слова:

— Я—женщина, меня убиваютъ. Охъ! умираю, умираю!—и все стихло.

Вслѣдъ за этимъ кто-то меня коснулся сзади. По голосу я узналъ старшину Дзелихова, который шепотомъ сказалъ:

— Я пришелъ сюда на выстрѣлы отъ Абдулаева. Ты, кажется, раненъ, я тебя перевяжу.

— Да, въ руку,—отвѣтилъ я,—но прошу не выдавай этого, чтобы не узнали люди, а ты иди обратно къ Абдулаеву и передай, чтобы оставались на мѣстахъ.

Прошелъ, я думаю, часъ или полтора, мы лежали въ молчаніи. Сквозь шумъ утихавшаго дождя издали доносился вой собаки, вѣроятно, сорвавшейся съ цѣпи и куда-то убѣжавшей. Черезъ нѣсколько времени вернулся старшина, передавъ, что цѣпь Абдулаева на мѣстѣ. Раскаты грома и дождь постепенно прекратились. Вдругъ на лѣвомъ флангѣ раздался выстрѣлъ, а за нимъ пошла трескотня, продолжавшаяся минутъ 10, во время которой слышались изъ сакли крики, прерываемые стономъ. Затѣмъ стрѣльба прекратилась и все стихло.

Потомъ мнѣ рассказали, что кто-то передъ самой цѣпью въ полголоса обратился по-аварски:

— Раздвиньтесь, а то близко лежите другъ къ другу.

На это пзъ цѣпи, думая, что свой, отвѣтили, что приказано не сходить съ мѣста. Вслѣдъ затѣмъ впереди говорившій выстрѣлилъ, ранивъ всадника Абдулазиса Закаря. Прошло нѣсколько времени въ полной тишинѣ, послѣ чего съ разныхъ сторонъ изъ цѣпи раздались возгласы:

— Ваше благородіе, разрѣшите войти въ сакли, убили!

На это я крикнулъ по-русски и по-кумыцки:

— Не разрѣшаю! оставайтесь на мѣстахъ и нечего просить разрѣшенія!

И снова водворилась тишина, и мнѣ самому показалось, что Зелимхана убили, но темнота все таки скрывала дѣйствительность, пока не началось свѣтать.

Лежавшему около меня, старшинѣ я приказалъ позвать всадника. Онъ призывалъ еще и своего помощника. Имъ я приказалъ поѣхать въ Шали и подать начальнику отряда телеграмму, которая была мною заготовлена передъ выступленіемъ, но она оказалась пропитанной моей кровью, какъ все бѣлье и бешметъ, а потому я передалъ на словахъ: «перестрѣлка продолжается, есть раненые». Говорилъ я

ослабѣвшимъ голосомъ и на мгновеніе потерялъ сознаніе, но, вскорѣ придя въ себя, ихъ уже не видѣлъ. Они поторопились уйти и, какъ потомъ оказалось, подъ впечатлѣніемъ моего обморока, отправили телеграмму иного содержанія: «15 человекъ ранено, поручикъ убитъ».

Я не могъ лежать иначе, какъ на спинѣ, слегка на лѣвомъ боку, головой къ саклѣ, такъ какъ только въ такомъ положеніи перебитая правая рука мепѣ давала себя чувствовать, когда нужно было слѣдить за саклей, для чего, не шевеля плечами и упираясь затылкомъ, выгибалъ поясницу, что давало возможность смотрѣть, оглядываясь назадъ черезъ лобъ.

Предразсвѣтныя сумерки постепенно смѣнялись началомъ утренней зари и влажный, густой воздухъ закрывалъ отъ меня небо. Лежа на спинѣ, я ясно ощущалъ, что завязъ въ растворившуюся отъ дождя грязь. Какъ потомъ оказалось, я и часть цѣпи лежали всю ночь на полянкѣ сжатой кукурузы, потому-то и образовалась подо мною жидкая грязь. Вдругъ издалека за саклями раздалось нѣсколько выстрѣловъ¹⁾. Я оглянулся въ сторону саклей и въ предразсвѣтномъ туманѣ въ 20-ти шагахъ отъ цѣпи замѣтилъ быстро вышедшаго изъ сакли Зелимхана безъ сапогъ съ кувшиномъ въ рукѣ; черезъ плечо висѣла на ремнѣ винтовка. Опускаясь на землю, онъ очень громко и скороговоркой сказалъ на кумыкскомъ языкѣ:

— Вы видите, я не раненъ, время молиться Аллаху, подойдите ко мнѣ и знайте, что пуля меня не беретъ²⁾.

Въ первый моментъ я не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ, но, быстро отдавъ себѣ отчетъ послѣ словъ «Аллахъ», напрягая послѣднія усилія и заглушая его слова, крикнулъ:

— Не слушайте его, у него нѣтъ Бога, онъ много нашей крови пролилъ. Стрѣляй!

Тотчасъ раздались выстрѣлы всадниковъ, и Зелимханъ упалъ, но мигомъ вскочилъ и произвелъ нѣсколько выстрѣловъ изъ винтовки и револьвера. Трескотня шла страшная. Совсѣмъ разсвѣло и ясно было видно, какъ отъ мѣткихъ пуль всадниковъ онъ падалъ, но, вновь поднимаясь весь окровавленный, все таки еще успѣлъ выстрѣлить и ранить бросившагося на него юнкера, за которымъ бросились и всадники, закричавшіе:

— Убить, убить!

Но тутъ силы меня совсѣмъ оставили, и, сдѣлавъ попытку подняться, я на мгновеніе впалъ въ обморокъ, а затѣмъ крикомъ обратилъ на себя вниманіе пришедшихъ въ азартъ всадниковъ, окружившихъ трупъ абрека. Моментально съ юнкеромъ Ихласомъ Асламбековымъ подбѣжали нѣсколько человекъ и, увидя меня въ крови, спросили, что со мной? Пытаясь поднять лѣвую руку, я сказалъ: «возьмите за нее и поднимайте». Лишь только подняли руку, я потерялъ сознаніе...

XV.

Прошло, какъ потомъ говорили, минутъ десять, и они думали, рассказываетъ Кибировъ, что я умеръ.

¹⁾ Впослѣдствіи я узналъ, что это были выстрѣлы изъ цѣпи Абдулаева, подходившаго съ юнкеромъ Асламбековымъ и къ утру постепенно сомкнувшаго свою цѣпь съ нашей въ 50-ти шагахъ отъ саклей. Такимъ образомъ сакли очутились въ центрѣ кольца, составленнаго изъ нашихъ всадниковъ.

²⁾ Слова эти потомъ вспомнили всадники, добавивъ, «какой хитрый».

Но, какъ бы сквозь сонъ, постепенно отрывочно врываются въ сознание, произносимыя вокругъ меня слова и, наконецъ, ясно слышу:

— Лучше бы меня убилъ... жаль!

На этомъ я пришелъ въ себя, очнувшись въ двухъ шагахъ отъ окровавленнаго трупа Зелимхана, въ одной рукѣ котораго былъ зажатъ револьверомъ, а въ другой винтовка.

Чувство побѣды, вызывая во всеоружіи волю, придаетъ удивительную энергію побѣдителю, и чѣмъ дороже стоила побѣда, тѣмъ сильнѣе чувствуется ея сладость.

Перенеситесь, читатель, въ ту обстановку, которая окружала Кибирова въ 5¹/₂ часовъ утра 26-го сентября 1913 года.

Онъ былъ тяжело раненъ 25-го сентября, около 9-ти часовъ вечера, и пролежалъ до 6-ти часовъ утра подъ грознымъ ливнемъ въ жидкой грязи съ раздробленной костью праваго предплечья на ¹/₃ верхней его части. Такъ какъ пуля была съ накрестъ надрѣзаннымъ концомъ, то выходное отверстіе представляло разорванную въ ладонь величины зияющую рану, изъ которой торчали осколки костей, окровавленная вата и куски бешмета и бѣлья. При малѣйшемъ движеніи обломанные края кости терлись другъ о друга, вдавливаясь въ оголенное мясо руки. А Кибировъ въ теченіе этихъ 10-ти часовъ не только не думалъ о перевязкѣ, но, подавивъ желѣзной волей невѣроятно мучительную боль, заставилъ себя остаться въ бою начальникомъ, хотя и небольшого отряда, но лицомъ къ лицу съ такимъ противникомъ, котораго 14¹/₂ лѣтъ не могли побѣдить отряды изъ 3-хъ родовъ войскъ, постоянно терпѣвшіе поражение и несшіе страшный уронъ въ людяхъ.

Поручикъ Кибировъ вполне планомѣрно использовалъ элементъ времени, точно выбравъ наивыгоднѣйшій для себя моментъ, напавъ внезапно въ пунктѣ, куда сосредоточилъ подавляющее надъ противникомъ количество силъ, а потому, выражаясь научно: «разбилъ его на-голову»—уничтожилъ врага.

Нечего говорить, что поручикомъ Кибировымъ проявлено въ бою личное мужество, храбрость, хладнокровіе и распорядительность въ наивысшей для воина степени, и это неудивительно, потому что онъ удалой казакъ. Если къ этому добавить, что подчиненные ему доблестные воинскіе чины точно выполнили имъ намѣченное, увлекаясь его примѣромъ, то все, сдѣланное Кибировымъ съ момента даннаго ему полномочія, иначе, какъ «блестящимъ воинскимъ подвигомъ», назвать нельзя. Кибировъ—партизанъ высокаго класса, невольно воскрешающій воспоминанія о Денисѣ Давыдовѣ, Фигнерѣ, Сеславинѣ и прочихъ доблестныхъ партизанахъ.

Не будетъ съ нашей стороны увлеченіемъ, если скажемъ, что подвигъ Кибирова достоинъ быть детально изученнымъ именно съ военной точки зрѣнія и не такимъ, какъ я, кустаремъ военной науки, а «сихъ дѣлъ мастерами», ибо въ совершеніи этого подвига по всѣмъ гралямъ проявленъ зародышъ военнаго таланта, а партизанскаго безъ сомнѣнія, что въ наше время съ сентиментальными мотивами является рѣдкостью. Когда же съ Запада «пахнетъ порохомъ», то нужно проявленіе такихъ подвиговъ ставить на высокой пьедесталь. Между тѣмъ, изъ-за того, что Кибировъ не докончилъ Николаевского Кавалерійскаго училища, четыре, ниже его стоявшіе въ полку, поручика уже къ 6-му мая произведены въ штабсъ-ротмистры. Командиръ полка оцѣнилъ этотъ подвигъ и вошелъ съ представленіемъ по командѣ о сохраненіи Кибирову хотя бы его старшинства, но на

какой-то из ступенек представлениe это остановилось, не пройдя всего пути «по комапдѣ».

Я рѣшился остановиться на этомъ дольше, полагая, что случай достоинъ вниманія. Но послушаемъ, что произошло послѣ окончанія боя 26-го сентября.

Страшная жажда, продолжалъ Кибировъ, мучила меня невыразимо, но, хотя кругомъ стояли лужи, а пить было нечего... Узнавъ, что убитыхъ нѣтъ, я приказалъ поднести раненыхъ, изъ которыхъ двое сами подошли, а юнкера Захаря Гебекова, тяжело раненаго въ самое чувствительное мѣсто, поднесли и положили рядомъ на подостланную, взятую изъ сакли, бурку ¹⁾.

Радостныя лица моихъ молодцовъ всадниковъ придали мнѣ силы и ободрили раненыхъ, въ особенности, когда я сказалъ, что пусть, какъ хотять называютъ этого абрека, а я говорю, что это—Зелимханъ, такъ какъ всѣ теперь видятъ, что одѣтъ онъ такъ, какъ я рассказывалъ, и на винтовкѣ № 22875.

Ближайшіе нагнулись и радостно воскликнули:

— № 22875!

Затѣмъ достали арбузъ изъ сакли, гдѣ былъ Зелимханъ, отрѣзали мнѣ и раненымъ по куску, которымъ я, наконецъ, утолилъ жажду.

Послѣ этого я приказалъ прапорщику Абдулаеву и старшинѣ Дзелихову осмотрѣть саклю и вынести оттуда и переписать всѣ вещи Зелимхана. Старшина оказался очень распорядительнымъ: еще ночью, когда замѣтилъ, что я раненъ, приказалъ своему помощнику прислать изъ Шали три парныхъ фаэтона, не говоря ничего въ аулѣ о томъ, что происходитъ у «двухъ саклей». Фургоны ждали у коноводовъ, гдѣ они слышали перестрѣлку, но не знали, въ чемъ дѣло.

Изъ сакли вынесли халатъ, сапоги и небольшой ручной чемоданъ, въ которомъ былъ бинокль, думаю нашего полка, перевязочныя средства, въ бутылкѣ лѣкарство, записки и двѣ печати: одна, сдѣланная изъ старой серебряной монеты съ двуглавымъ орломъ, вокругъ котораго вырѣзано вязью «Зелимханъ Гушмазукаевъ», а другая вся изъ слоновой кости, по срединѣ корапъ, а вокругъ по-аварски «Зелимханъ Гушмазукаевъ»; у серебряной—ручка костяная. Кроме того, въ чемоданѣ же нанильникъ, парчевая золотая чалма и на толстомъ листѣ бумаги изображеніе мечети въ Меккѣ, подъ которымъ текстъ золотыми буквами.

Трунъ Зелимхана, въ которомъ насчитали 32 раны, лежалъ на спинѣ. Въ черепѣ было 6 сквозныхъ ранъ. Ростъ его былъ 2 аршина 7 вершковъ; особенно бросались въ глаза широкія плечи, на лѣвой сторонѣ груди огромная рана, въ которую впились гильзы отъ разорвавшихся патроновъ. Поясной патронташъ былъ дѣйствительно мой, данный накапунѣ № 2. Можетъ быть, моими же патронами я былъ раненъ, хотя моя рана и еще у одного всадника были нанесены разнѣжными пулями. На револьверной черной глянцевої кобурѣ имѣлась монограмма Ч и въ лѣвой застывшей рукѣ браунингъ, отобранный имъ у плѣннаго имъ въ 1911 году на Керкетскомъ перевалѣ инженера подполковника Чикалина.

На кожаномъ со стальными пластинками и золотой насѣчкой поясѣ висѣлъ кинжалъ въ золоченыхъ ножнахъ. На шеѣ висѣла, два раза закрученная, массивная цѣпь отъ часовъ, которые лежали въ жилетѣ ниже грудной раны. Въ карманѣ

¹⁾ Старикъ и старуха, вышедшіе въ началѣ перестрѣлки, были взяты подъ надзоръ и находились въ сторонѣ отъ огня.

черныхъ брюкъ былъ пузырекъ съ хипной краской для бороды и еще пузырекъ съ масломъ, вывезеннымъ (по обычаю) изъ Мекки для смазыванія умирающаго. Въ другомъ карманѣ два опойковыхъ портмонэ, раздѣленные на клѣтки съ надписями именъ убитыхъ офицеровъ, а потому перечеркнутыхъ, а изъ подлежащихъ убить первымъ былъ князь Караловъ; денегъ не было. Кромѣ того, были три бѣлыхъ платка и въ чистой тряпочкѣ, перевязанной лентой съ бантикомъ, завернуты два зуба и клокъ сѣдыхъ волосъ. Волосы, какъ говорятъ, шейха, въ знакъ того, что владѣльцу ихъ пужно помогать. Винтовка № 22875, укороченнаго образца, застыла въ правой рукѣ.

Трупъ лежалъ въ 10—12-ти шагахъ отъ сакли, занимающей 3 квадратныхъ аршина, высотой 2 аршина 6 вершковъ, съ плоской земляной крышей. Внутри

Разбойникъ Зелимханъ, убитый 26-го сентября 1913 г.

была тахта, покрытая циновкой, 2 грязныхъ подушки и старое одѣяло. Подъ тахтой нѣсколько арбузовъ и тыква. Подъ потолкомъ висѣла ляшка баранины, на полу въ чашкѣ коровье масло и кукурузный хлѣбъ. Сакля освѣщалась маленькимъ окошечкомъ, вмѣсто двери висѣлъ паласъ. Признаковъ присутствія другихъ людей не было, вѣроятно, малые размѣры сакли и ненастье съ грозой были причиной, что Зелимханъ оказался одинъ, тѣмъ болѣе, что, не довѣряя никому, онъ скрывалъ отъ шайки свой ночлегъ, появляясь лишь передъ разсвѣтомъ.

Когда окончили переписывать вещи, принесли кукурузной соломы, бурку и подложили подушку, такъ какъ меня начала трясти лихорадка. Особенно стопаль бѣдный юнкеръ Закаря съ пробитымъ бедромъ и раненый въ мѣстѣ соединенія ногъ. Помочь ему нельзя было ничѣмъ.

Затѣмъ привели хозяина и хозяйку, сгорбленныхъ, дряхлыхъ, столѣтнихъ стариковъ, которыхъ, въ присутствіи всей команды, я спросилъ по-чеченски:

— Кто этотъ убитый?

Въ одинъ голосъ, поклявшись, старикъ и старуха сказали:

— Это—Зелимханъ.

Черезъ переводчика я передалъ, что, если они солгутъ, то оба пойдутъ въ Сибирь, на что они отвѣтили:

— Хоть повѣсить, а это Зелимханъ.

— Почему же вы его так хорошо знаете?—спросилъ я.

— Мы его знаемъ давно, еще когда онъ былъ мальчикомъ, мы жили въ Хорачоѣ, а я,—сказалъ старикъ,—тогда пасъ барановъ, поэтому онъ здѣсь часто бывалъ.

— Почему же,—спросилъ я,—ты никому не говорилъ?

— Да мы никуда не ходили, а когда онъ здѣсь, такъ насъ не отпускалъ.

Я далъ старикамъ 10 рублей и сказалъ имъ, что только поугалъ, желая узнать, дѣйствительно ли это Зелимханъ, но васъ никуда не сошлютъ.

Я не разспрашивалъ, кто и когда здѣсь бывалъ, боясь, чтобы не назвали моихъ № 2, и № 1.

По прибытіи ветеринарнаго фельдшера Мацуги, приказалъ ему сдѣлать перевязку всѣмъ раненымъ, для чего взяли марлю изъ чемодана Зелимхана.

Меня началъ перевязывать старшина, предварительно разрѣзавъ рукавъ ватнаго бешмета, насквозь пропитаннаго кровью. Только теперь выяснилось, что верхняя треть плечевой кости раздроблена, кости прорвались внаружу и слышенъ былъ ихъ хрустъ. Промыть рану было нечѣмъ, и, причиняя мнѣ невѣроятную боль, старшина обвязалъ рану марлей, которой не хватило, а потому обвязали носовыми платками, завернули руку въ башлыкъ и съ согнутымъ локтемъ притянули ее къ груди, чтобы не болталась.

Было уже около 8-ми часовъ утра 26-го сентября.

Такъ какъ заготовленныя телеграммы пропитались кровью, то, посылая юнкера Муртазали въ Шали, приказалъ ему подать телеграмму начальнику отряда: «Зелимханъ убитъ, какъ прикажете поступить съ трупомъ?».

На эту депешу полученъ былъ отвѣтъ, чтобы сдать трупъ охранѣ, и что на автомобилѣ изъ Грознаго высланы врачи, которые меня перевезутъ на вокзалъ.

Вспомнивъ неоднократные случаи, когда вмѣсто Зелимхана убивали другихъ разбойниковъ, я рѣшилъ не передавать трупъ, а взять его съ собою, для чего послалъ въ поле за арбой, которую вскорѣ и привели. Затѣмъ приказалъ прапорщику Абдулаеву послать за лошадьми и выстроить команду. Было около 11-ти часовъ утра, воздухъ былъ туманный, сырой, но теплый.

Команда выстроилась, люди оказались всѣ, подали фэстонъ, куда положили раненыхъ, а я, поддерживаемый старшиной и юнкеромъ Муртазали, поблагодарилъ людей за молодецкое дѣло.

— Всегда надѣялся и былъ увѣренъ, что не осрамите нашъ славный полкъ, а 6-ая сотня, хотя и очень пострадала когда-то, но теперь, вмѣстѣ съ командой 5-й сотни, отомстила, какъ слѣдуетъ.

Дружное «рады стараться» разнеслось по горамъ.

Вызвавъ двухъ всадниковъ, отправилъ ихъ въ аулъ Бачи-Юртъ доложить своему командиру (6-й) сотни шт.-рот. Данагуеву.

XVI.

Трупъ абрека былъ уложенъ на арбу подъ охраной часовыхъ. Затѣмъ, выславъ впередъ отдѣленіе всадниковъ, за ними послѣдовалъ въ экипажѣ я съ раненымъ юнкеромъ и старшиной. За нами слѣдовала арба съ трупомъ, охраняемая по бокамъ часовыми, за ней экипажъ съ 5-ю ранеными всадниками и въ замкѣ остальные всадники.

Было тихое сырое утро, смѣнившее грозную роковую ночь. Въ воздухѣ стояла дымка тумана, когда, наконецъ, мы выбрались па дорогу, по которой 12 часовъ тому назадъ шли, не зная, кому суждено будетъ вернуться, и направились въ Шали. Несмотря на то, что подвигались очень медленно, каждый толчокъ экипажа отдавался страшной болью въ ранѣ, а бѣдный юнкеръ Закаря страдалъ до того, что не могъ удержать стога.

Выѣхавъ изъ лѣсу, все мы были встревожены, замѣтивъ, что со всехъ сторонъ къ намъ приближаются скачущіе группами горцы, за которыми въ туманной дали видны еще и еще.

«Не нападеніе ли это съ цѣлью отбить трупъ»,—подумалъ я, по сомнѣнію быстро разсѣялись, когда въ скачущихъ узнали мирныхъ чеченцевъ изъ разныхъ ауловъ, къ которымъ, повидимому, уже дошло извѣстіе о случившемся.

Подъѣзжавшіе взволнованно спрашивали, «куда убѣжалъ», настолько они увѣрены были, что Зелимханъ не убитъ, а куда либо скрылся, но, поравнявшись съ арбой и взглянувъ на трупъ, вскрикивали:

— Это онъ, Зелимханъ, Зелимханъ!

Нѣкоторые даже божились, что это трупъ Зелимхана.

Однимъ изъ первыхъ подѣхалъ чеченецъ изъ Шали, хозяинъ дома, гдѣ я жилъ, необыкновенный толстякъ Токказъ Ахтаевъ. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ спросилъ о моемъ здоровьи и сколько раненыхъ. Я приказалъ остановить экипажъ и, вмѣсто отвѣта, указалъ ему на арбу, слѣдовавшую за нами, куда толстякъ и повернулъ своего коня. Заглянувъ въ арбу, гдѣ былъ трупъ абрека, онъ быстро подѣхалъ ко мнѣ и, улыбаясь во весь ротъ, во весь голосъ произнесъ по-чеченски:

— Слава Аллаху, теперь чеченскій народъ свободенъ и будетъ за тебя молиться.

Затѣмъ Токказъ Ахтаевъ разсказалъ, что за 2—3 дня до этого онъ получилъ отъ Зелимхана «предписаніе съ печатью» уплатить 1.200 рублей, а рапѣ этого, по такому же «указу», положилъ въ назначенное мѣсто у дороги 800 рублей, по никому не говорилъ, зная участь другихъ, доносившихъ въ такихъ случаяхъ.

Теперь мнѣ стало понятнымъ, говорить Кибировъ, почему особенно искренно радовался толстякъ, жившій подъ постоянной угрозой ограбленія. Съ другой стороны, его подозрѣвали въ сношеніяхъ и покровительствѣ Зелимхану и даже производили всегда безрезультатные обыски.

По мѣрѣ приближенія къ аулу количество конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ и окрестныхъ жителей все увеличивалось. Подъѣзжавшіе къ арбѣ, отскакивали съ радостными криками, джигитуюя и стрѣляя въ воздухъ изъ своихъ длинныхъ старинныхъ ружей.

Кругомъ царило какое-то неопишуемое движеніе, шумъ и клики.

Настроеніе было настолько необычно радостное, что я даже позабылъ о своемъ пораненіи, а бѣдный юнкеръ Закаря-Гебековъ тоже пересталъ стонать. Вся эта грандіозная толпа пѣшихъ и конныхъ, окружавшая нашъ отрядъ, выражала какую-то общую радость, несмотря на то, что мрачное, туманное утро и грязь совсѣмъ не располагали къ такому праздничному настроенію. Движеніе наше казалось какимъ-то торжественнымъ шествіемъ, въ особенности, когда подо-

шли къ Шали. Здѣсь женщины, дѣвушки и дѣти стояли шпалерами по обѣ стороны дороги и, снимая платки, кланялись въ поясъ, мужчины пѣли какую-то побѣдную пѣснь, сопровождая ее ружейными залпами.

Сквозь плотные ряды толпы протиснулся къ нашему экипажу мой вѣстовой Али-Кади-Махмутовъ (казанскій татаринъ) и, взволнованнымъ почти до слезъ голосомъ, упрекнулъ меня, что я не взялъ его ловить Зелимхана, а сказалъ, что ѣду въ Грозный.

Такъ, окруженные ликующей толпой, мы доѣхали до моей квартиры, гдѣ меня встрѣтилъ сельскій мулла Хаджи-Муратъ и, справившись о моемъ и раненыхъ здоровьѣ, произнесъ привѣтствіе, послѣ котораго обратился къ народу:

— Завтра — пятница, соберемся въ мечеть, гдѣ всѣ вмѣстѣ помолимся за выздоровленіе раненыхъ и поблагодаримъ Аллаха за избавленіе.

Меня внесли въ верхній этажъ, гдѣ силы меня совсѣмъ оставили, и я потерялъ сознание, что повторялось неоднократно. Когда я приходилъ въ себя, то каждый разъ видѣлъ озабоченныя лица хозяина и правительственнаго старшины...

Раненыхъ помѣстили въ другомъ домѣ, а трупъ абрека ввезли во дворъ моей квартиры. У каменныхъ воротъ были поставлены часовые съ приказаніемъ никого не впускать.

Черезъ нѣсколько часовъ прибылъ начальникъ Веденскаго округа князь Караловъ, поздравилъ меня и затѣмъ распорядился, чтобы трупъ вывезли на площадь, такъ какъ пріѣхали Хорачоевцы, которые, хорошо зная Зелимхана, скорѣе убьютъ и тѣхъ, кто сомнѣвался, что Зелимханъ могъ быть убитъ. Такихъ было не мало. Хорачоевцы тотчасъ узнали въ трупѣ Зелимхана, надоѣвшаго имъ частыми посѣщеніями, за что не разъ они подвергались штрафу.

Послѣ этого изъ толпы раздались крики:

— Дайте я ему голову спесу, это онъ моего отца убилъ!

— Онъ брата у меня убилъ! — кричитъ другой.

Словомъ, толпа начала свирѣѣть, гулъ возгласовъ негодованія стоялъ въ воздухѣ, и, если бы не караулъ, трупъ, навѣрное, былъ бы растерзанъ въ клочки. Пришлось усилить нарядъ караула и расширить цѣпь.

Вскорѣ пріѣхали командиры 2-й сотни Мусалаевъ и нашей 6-й сотни шт.-ротм. Допагуевъ. Поблагодаривъ меня, онъ спросилъ о подробностяхъ, позаботился о раненыхъ и затѣмъ въ прочувствованныхъ словахъ высказалъ благодарность моимъ молодцамъ всадникамъ. Оба эти лихіе командиры были вмѣстѣ со мной на войнѣ во 2-мъ Дагестанскомъ полку полковника Хапа-Нахичеванскаго.

Теперь втроемъ мы радостно свидѣлись, считая, что за погибшихъ товарищей Дагестанцевъ отомстили. Затѣмъ пріѣхалъ командиръ 3-й сотни ротмистръ Котіевъ, и за нимъ стали прибывать административныя лица, изъ которыхъ не мало было переконфуженныхъ до того, что даже не справлялось о здоровьѣ раненыхъ. Передъ вечеромъ пріѣхалъ полковой врачъ Холодовскій и съ нимъ еще двое изъ слободы Воздвиженской и изъ Ведено. Они сдѣлали перевязку мнѣ и всадникамъ. Сильно страдавшаго юнкера Закаря-Гебекова отправили въ Грозненскій военный госпиталь.

Во время перевязки, которая была чрезвычайно болѣзненна, я находился въ полузабытій.

Раненый поручикъ Кибировъ и его сподвижники, уничтожившіе Зелимхана. Всадникъ держитъ шашку Шамиля, поднесенную чеченцами Кибирову.

XVII.

Нѣсколько успокоившись къ вечеру, я лежалъ въ постелѣ, когда неожиданно вошелъ князь Караловъ, ротмистръ Котіевъ, Мусалаевъ, Донагуевъ, шт.-ротм. Федоровъ, сельскій мулла и нѣсколько стариковъ чеченцевъ.

Князь Караловъ, держа въ рукахъ шашку, обратился ко мнѣ съ горячей рѣчью отъ общества, говоря, что населеніе, благодарное за избавленіе отъ грознаго абрека, подноситъ мнѣ драгоценную шашку Шамиля, хранившуюся у набга Талхихова (чеченца), и проситъ принять ее, какъ почетное оружіе, вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаютъ взять на себя и расходы по лѣченію.

Меня эта, продолжалъ Кибировъ, неожиданность настолько разстроила, что я не нашелъ подходящихъ словъ для отвѣта и просилъ передать мою благодарность.

Какъ оказалось потомъ, сначала мнѣ хотѣли поднести лошадь съ сѣдломъ, но предпочли шашку, потому что вспомнили, какъ я когда-то видѣлъ ее у набга Талхихова, любовался ею и справлялся, не продасть ли ее владѣлецъ.

По преданіямъ, шашка эта настоящая «гурда изъ Нубіи», изготовлена была много вѣковъ тому назадъ специально для царедворца и, какъ говоритъ легенда, чтобы ни у кого такой шашки больше не было, мастеру, изготовившему ее, послѣ поднесенія ея, была ею же отрублена голова.

Затѣмъ шашку взяли у меня, чтобы сдѣлать на ней надпись: *«На добрую память поручику Астеміру Мицбулатовичу Кибирову отъ Шалинскаго общества, по приговору отъ 27-го сентября 1913 года за № 79, за избавленіе Чеченскаго народа отъ злѣйшаго врага разбойника Зелимхана Гуммазокаева 26-го сентября 1913 года, въ 5½ часовъ утра».* Шашка съ серебряной, золоченой рукояткой и въ такихъ же ножнахъ на португелъ изъ кованнаго серебра.

Привезли ее, когда я былъ уже во Владикавказѣ въ военномъ госпиталѣ, и съ нею приговоръ, подписанный 612 именами выборныхъ отъ всѣхъ ауловъ съ муллами во главѣ, и предложили 200 рублей на лѣченіе, отъ которыхъ я, конечно, отказался.

Знакъ такой общественной оцѣнки чеченцами дѣятельности поручика Кибирова есть наилучшее вещественное доказательство того, что онъ уничтоженіемъ Зелимхана, дѣйствительно, совершилъ героическій подвигъ огромнаго значенія для всего района, потому что этимъ поднялъ авторитетъ правительственной власти, почти парализованной неувимымъ абрекомъ, имѣвшимъ постоянный успѣхъ въ теченіе почти 15-ти лѣтъ.

XVIII.

На другой день, утромъ, мнѣ наложили гипсовую повязку и лубки, а операцію рѣшили сдѣлать во Владикавказѣ, такъ какъ обѣ кости оказались раздроблены съ отдѣленіемъ мелкихъ осколковъ. Послѣ наложенія лубковъ самочувствіе мое, рассказываетъ Кибировъ, значительно улучшилось. Дали поѣсть куринаго бульона, послѣ чего сознаніе постепенно возстановилось. Но тутъ явилась новая бѣда—съ 10-ти часовъ утра 27-го сентября нѣсколько фотографовъ начали осаждать просьбами разрѣшить сдѣлать снимки. Въ концѣ концовъ, передъ отъѣздомъ на станцію Аргунь (25 верстъ отъ Шали) фотографы сняли группу съ командой моихъ молодцовъ и еще нѣсколько снимковъ. Кстати сказать, уже послѣ моего отъѣзда изъ Шали въ разныхъ иллюстраціяхъ и приложеніяхъ къ газетамъ появились снимки съ подписями, гдѣ указаны лица, не только не принимавшія никакого участія, но даже и не бывшія близъ «Двухъ саклей». Такъ, напримѣръ, на одномъ изъ снимковъ Шевченко, бывшій писарь, названъ начальникомъ отряда, уничтожившаго Зелимхана, и прочія небылицы.

Собираясь уже отъѣзжать, вдругъ я изъ окна замѣтилъ направлявшійся къ намъ автомобиль. Оказалось, что въ немъ пріѣхалъ начальникъ Грозненскаго округа полковникъ Стрижовъ съ семьей Зелимхана: его жена, жена брата Султамурата (Ходыжата, изъ-за которой началась кровавая драма), дочь Зелимхана и два сына. Лишь только увидѣли они трупъ, узнали его и бросились къ нему, а женщины даже прослезились...

Посились слухи, что Зелимханъ будто бы приходилъ въ Грозный къ семьѣ, когда она была тамъ, но даже теперь жены отрицаютъ это.

И отошелъ отъ окна, чтобы не видѣть непріятной сцены свиданія, но вскорѣ пришли съ просьбой принять семью Зелимхана. Несмотря на неоднократные отказы, въ концѣ концовъ, пришлось согласиться, тѣмъ болѣе, что всѣхъ ихъ я зналъ и не разъ говорилъ съ ними, вынеся впечатлѣніе, что семья рада была бы отъ него избавиться. Во время такихъ разговоровъ семья высказывала похвалы по адресу пріютившихъ ее русскихъ, у которыхъ жилось много спокойнѣе, нежели съ абрекомъ, къ тому же ни одинъ изъ ауловъ, даже Хорачой, не хотѣлъ ихъ принимать, боясь, что абрекъ будетъ ихъ посѣщать, а кровники тогда разорять тотъ домъ.

Наконецъ, семья вошла ко мнѣ въ комнату, и всѣ пять человѣкъ быстро стали на колѣни и что-то начали говорить по-русски. Я приказалъ имъ встать, послѣ чего Ходыжата обратилась ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Какъ твое здоровье? Мы много перестрадали и еще страдали бы больше, а теперь очень тебѣ благодарны за то, что избавилъ насъ отъ преслѣдованій и тяжелой жизни.

— Я понимаю васъ,—отвѣтилъ я,—что, можетъ быть, сейчасъ вамъ трудно, но вспомните тѣхъ, у кого онъ убилъ близкихъ и дорогихъ,—тѣмъ еще больше, какъ и намъ, Дагестанцамъ, невинно отъ него много пострадавшимъ, и если вы говорите мнѣ отъ души, то я васъ благодарю. Если же вы пришли показать сыновьямъ, кто кровникъ ихъ, то это—ошибка съ вашей стороны, такъ какъ этого вамъ не простятъ.

На это онѣ отвѣтили, что слышать это имъ обидно, послѣ чего ихъ увели.

Къ 6-ти часамъ вечера подали фэтонъ, на которомъ, въ сопровожденіи врача Холодовскаго, урядника и правительственнаго старшины Михаила Дзелихова, къ 8-ми часамъ вечера я пріѣхалъ на станцію Аргунь. На послѣднемъ словѣ Кибировъ взволнованно прервалъ свой рассказъ, говоря, что онъ узналъ впоследствіи объ увольненіи отъ должности Дзелихова и его помощника будто бы за недонесеніе о томъ, что Кибировъ выступилъ ночью для поимки Зелимхана.

На самомъ дѣлѣ Дзелиховъ и не могъ своевременно довести, какъ видно выше изъ описанія, такъ какъ, продолжалъ свой рассказъ Кибировъ, я приказалъ старшинѣ ночью же ѣхать со мною, умышленно не говоря ему, куда, съ цѣлью, чтобы не раскрыть никому своихъ намѣреній, зная, какъ быстро доходили до Зелимхана всѣ распоряженія, направленные противъ него.

На станціи Грозное Кибирова встрѣтили товарищи по полку и нѣсколько господъ офицеровъ Кизляро-Гребенскаго полка, горячо привѣтствуя его по случаю побѣднаго окончанія Зелимхановской эпопеи.

Уже поздно вечеромъ пріѣхалъ я, продолжалъ Кибировъ, во Владикавказъ. При проѣздѣ по станціямъ передавали изъ публики сомнѣнія, что Зелимханъ уничтоженъ. Прибывъ въ госпиталь, узналъ, что въ ночь на 25-ое сентября было совершено ограбленіе горцами магазина серебряныхъ вещей, сопровождавшееся убійствомъ 3-хъ человекъ. Этотъ разбой приписывали Зелимхану, вызывая тѣмъ сомнѣніе объ уничтоженіи его въ Шали.

Почти на разсвѣтѣ пріѣхалъ ко мнѣ въ госпиталь старшій помощникъ наказнаго атамана по административной части, генералъ Степановъ, знавшій меня еще съ 1911 года и потому сердечно отнесшійся теперь ко мнѣ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ сторонникомъ передачи дѣла поимки Зелимхана въ мои руки.

Подойдя къ моей постели и горячо поздравивъ меня, генералъ Степановъ съ намернувшимся на глазахъ слезами поцѣловалъ меня, проявивъ столько отеческой заботы ко мнѣ, что искреннія чувства мои къ этому благороднѣйшему человеку никогда не изгладятся въ моемъ сердцѣ. Онъ немедленно распорядился перевести меня изъ общей палаты въ отдѣльную комнату, приказавъ обратить особенное вниманіе на тщательный уходъ за мною. Разспросивъ о подробностяхъ дѣла, онъ тамъ же высказалъ, что, вѣроятно, появится не мало нелѣпныхъ слуховъ отъ недоброжелателей, но въ такомъ случаѣ предложилъ свое заступничество, такъ какъ въ его рукахъ были сосредоточены всѣ нити мѣстной администраціи.

Вскорѣ прибылъ корпусной командиръ, герой Портъ-Артура, генералъ Ирманъ, котораго я видѣлъ еще во время войны. Поздравивъ меня, онъ поблагодарилъ за то, что послѣ уничтоженія Зелимхана, наконецъ, удается ему, корпусному коман-

диру, увидѣть собраннымъ весь славный Дагестанскій полкъ, который вотъ уже три года раздробленными частями дѣйствовалъ противъ Зелимхана и потому не могъ ни разу представиться на смотру.

— Постараюсь исходатайствовать вамъ золотое оружіе, кажется, подходитъ подъ статутъ,—сказалъ генераль и сдѣлалъ представленіе.

Затѣмъ посѣтили меня начальникъ дивизіи генераль Хелмицкій и командиръ полка полковникъ Кобіевъ. Всѣ отечески заботились о здоровьи и тѣмъ оказали нравственную поддержку, столь необходимую въ то время, такъ какъ рана болѣла невыносимо. Особенно мучительны были ощущенія, когда руку въ гипсовой повязкѣ вытянули по продолженію плеча, и только нѣжная забота, почти не отходившаго отъ меня, консультанта госпиталя, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Салтыкова, почтеннаго старика, заставляла меня молча переносить мученія.

Особенно меня удивило прибытіе прокуроровъ Тифлисской судебной палаты и Владикавказскаго окружнаго суда. Первый пріѣхалъ въ парадной формѣ и своею горячею, длинной рѣчью тронулъ меня до слезъ.

Удостоилъ меня своимъ вниманіемъ и начальникъ области, прибывшій черезъ нѣсколько дней въ госпиталь и передавшій мнѣ слѣдующую радостную вѣсть: «По телеграммѣ объ уничтоженіи чинами Дагестанскаго коннаго полка разбойника Зелимхана, Государь Императоръ Собственноручно изволилъ начертать: *Поручику Кибирову жалую орденъ Св. Владиміра 4-й степени, остальныхъ представитъ изъ соответствующихъ наградамъ* ¹⁾».

Затѣмъ генераль Степановъ передалъ мнѣ, по распоряженію Намѣстника Его Величества, двѣ тысячи рублей на лѣченіе раны.

XIX.

Несмотря на удачную операцію по извлеченію осколковъ костей, излѣченіе раны не поддавалось, а потому признано было необходимымъ для дальнѣйшаго спеціальнаго лѣченія отправить меня въ Петербургъ.

16-го ноябрю получено было отъ генерала Степанова письмо о послѣдовавшемъ Высочайшемъ разрѣшеніи перевезти меня съ денщикомъ въ С.-Петербургскій госпиталь, куда я прибылъ 26-го ноябрю.

Переѣздъ этотъ былъ труднѣе, чѣмъ отъ саклей до Шали мѣсяць тому назадъ. Дѣло въ томъ, что отъ штаба Терской области я былъ снабженъ предложеніемъ на перевозку по Лит. А. во 2-мъ классѣ, и лишь заботами генерала Степанова я доѣхалъ до Ростова въ отдѣльномъ купе 1-го класса. Денщикъ и фельдшеръ ѣхали въ 3-мъ классѣ. Вскорѣ по отѣздѣ я почувствовалъ приступъ лихорадки и постепенно увеличивающуюся боль раны. По прибытіи 24-го ноябрю въ Ростовъ, фельдшеръ, желая перемѣнить повязку, всю пропитанную кровью, счелъ нужнымъ ее разрѣзать, послѣ чего зачѣмъ-то ушелъ. Въ это время меня, согласно предложенію, перевели во 2-й классъ и помѣстили въ купе, гдѣ уже сидѣло три пассажира. Фельдшеръ, не зная о моемъ переводѣ въ другой вагонъ, не могъ меня найти, а его не могъ отыскать денщикъ, а тѣмъ временемъ поѣздъ отошелъ. Не перевязанная рана нестерпимо разболѣлась. Лихорадка трясла, увеличивая этимъ страданія. Черезъ сосѣда пассажира я просилъ у старшаго кондуктора достать

¹⁾ Серебряныя медали «за храбрость» на Георгиевской лентѣ.

фельдшера, чтобы перевязать рану, но это не удалось, и такъ я доѣхалъ до Таганрога, гдѣ желѣзнодорожные врачи, по телеграфу предупрежденные изъ Ростова, оказали самое любезное вниманіе, перенесли меня въ лазаретъ и тщательно перевязали. Тамъ я пролежалъ цѣлый день, такъ какъ температура была выше 39°, и, по мнѣнію врачей, если жаръ не понизится, дальнѣйшее путешествіе было рискованно. Къ вечеру, однако, температура спала до 38°, и я, докупивъ билетъ до 1-го класса, былъ помѣщенъ въ отдѣльномъ купе и при сопутствіи чрезвычайно внимательнаго желѣзнодорожнаго врача и догнавшаго меня фельдшера отправился далѣе.

Въ Петербургѣ съ вокзала, наконецъ, добрался до Николаевскаго госпиталя, откуда былъ направленъ въ Клиническій, гдѣ дежурный врачъ помѣстилъ сначала въ общую палату, а черезъ 2 дня отвели отдѣльную комнату.

Вскорѣ обрадовала меня посѣщеніемъ баронесса Мейендорфъ, вдова бывшаго моего командира, когда я имѣлъ честь служить въ Собственномъ Его Величества конвоѣ, затѣмъ генераль Шульга и многіе товарищи по боевой службѣ: полковникъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка Гартманъ и другіе. Такое ласковое вниманіе ко мнѣ знакомыхъ, конечно, повысило душевное мое состояніе и успокоило расхолодившіяся, было, нервы.

10-го декабря, въ 10 часовъ утра, во время перевязки изволилъ прибыть военный министръ генераль-адъютантъ Сухомлиновъ, обратившійся ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Я пришелъ лично позжать вамъ руку и поблагодарить васъ за службу.

Затѣмъ его высокопревосходительство очень подробно распросилъ о дѣлѣ и отеческимъ вниманіемъ ко мнѣ далъ почувствовать дѣйствительную заботу начальника.

Черезъ нѣсколько недѣль лѣченія и прекраснаго ухода силы мои возстановились, и, хотя рана не заживала, мнѣ разрѣшено было выходить изъ госпиталя.

Во время представленія военному министру, его высокопревосходительство, войдя въ пріемную, вновь оказалъ мнѣ высокое вниманіе: подошелъ ко мнѣ и, представляя меня здѣсь бывшимъ генераламъ, предупреждалъ, чтобы здоровались со мной за лѣвую руку...

Рана упорно не поддавалась лѣченію, и пришлось вновь оперативнымъ путемъ извлекать мелкіе осколки. Только послѣ того, какъ профессоръ Оппель произвелъ выскабливаніе краевъ костей, рана начала замѣтно улучшаться и общее состояніе духа и здоровья пришло почти въ равновѣсіе. Но тогда стали являться посторонніе, незнакомые мнѣ посѣтители съ выраженіемъ своихъ чувствъ. Вначалѣ было не мало молодежи съ Кавказа, называвшей имена своихъ родственниковъ, погибшихъ отъ руки Зелимхана.

Разспросамъ не было конца, и, несмотря на уклоненіе мое отъ разсказовъ, все-таки въ газеты проникли самыя вымышленныя свѣдѣнія.

Болѣе всего я былъ удивленъ, когда комендантскій адъютантъ, являсь со старшимъ врачомъ клиническаго госпиталя, предложилъ мнѣ отъ имени коменданта перейти въ Николаевскій военный госпиталь, такъ какъ тамъ есть караулъ, который будетъ меня охранять. Удивленію моему не было конца, когда оказалось, что какой-то досужій репортеръ помѣстилъ въ газетахъ небылицы, будто съ Кавказа пріѣхали 4 чеченца для выполненія обычая кровавой мести за смерть Зелимхана. Поблагодаривъ адъютанта, я отказался отъ караула и остался въ Клиническомъ госпиталѣ.

Тѣмъ не менѣе, газеты перепечатали эту утку съ комментаріями. Пришлось написать опроверженіе. Къ сожалѣнію, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, нѣкоторые господа извратили эту утку и пустили обидный для меня слухъ, будто я самъ просилъ поставить караулъ для охраны моей особы, и прочее. Полагаю, что такимъ господамъ столь же нетрудно изобрѣтать всякія небылицы, какъ и легко подхватывать ихъ для сплетни...

На этомъ Кибировъ окончилъ свой рассказъ.

Къ сожалѣнію, приходится констатировать въ нашей общественной жизни наличие перѣдко встрѣчаемаго порока «зависти», подѣ дѣйствіемъ каковой чело-вѣку, не награжденному благородными инстинктами, приходятъ въ голову самыя пелѣныя мысли, и, вмѣсто восхищенія подвигомъ героя, такой «болѣющей завистью убогой типъ» ищетъ случая умалить достоинства героя.

Такихъ «больныхъ завистью» приходится жалѣть, пока они не приносятъ другимъ вреда, героическія же натуры ихъ обыкновенно презираютъ, но обществу слѣдовало бы относиться къ такимъ людямъ со всею строгостью, такъ какъ въ военной жизни «завистливые типы» обыкновенно лишены и чувства благородства; они не могутъ быть безиррациональными, принося этимъ огромный вредъ дѣлу военнаго воспитанія, въ основѣ котораго должны лежать рыцарскія начала, понятія, идеально честныя, душевные порывы, кристаллически чистые.

Я позволилъ себѣ остановиться на этомъ вопросѣ о значеніи «зависти людской», потому что молодецкія дѣянія казака Кибирова старались окутать всевозможной паутиной, лишь бы подвигъ его не вырисовывался во всей яркости его величія, между тѣмъ, съ точки зрѣнія рыцарски военной Кибировъ проявилъ во всемъ блескѣ тѣ боевыя качества воина, которыя по смыслу текста присяги особенно подчеркиваются: храбрость, мужество, находчивость въ сложной боевой обстановкѣ, исполненіе долга, «пока живъ буду», и рѣшимость «нобѣдить или умереть», и прочее.

Что же еще слѣдовало бы совершить Кибирову, чтобы дѣянія его назвать «подвигомъ»?

Державный Вождь росіійскихъ войскъ тотчасъ по донесеніи наградилъ поручика Кибирова орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, а, по ознакомленіи съ подробностями боевыхъ дѣйствій молодецкаго взвода Дагестанскаго коннаго полка въ ночь на 25-е сентября 1913 г. подѣ командой поручика Кибирова, военный министръ представилъ Его Императорскому Величеству ходатайство о производствѣ Кибирова въ штабсъ-ротмистры «за особія отличія», какъ и сказано въ Высочайшемъ приказѣ отъ 22-го іюня сего года.

Такимъ образомъ, «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ».

Послѣ 6-ти мѣсяцевъ лѣченія оказалось, что окончательное заживленіе раны не можетъ скоро наступить, а потому, по представленію военнаго министра, состоялось Высочайшее повелѣніе о прикомандированіи Кибирова на годъ къ главному управленію государственнаго коннозаводства. Прошло уже 10 мѣсяцевъ лѣченія, но рана все еще сочтена и отъ времени до времени выдѣляются съ матеріей мелкіе осколки костей. Для дальнѣйшаго лѣченія штабсъ-ротмистра Кибирова перевели въ Красное Село¹⁾.

¹⁾ Въ Офицерскій госпиталь имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны.

Смѣемъ надѣяться, что этотъ простой разсказъ Кибирова принесетъ извѣстную пользу военной молодежи, а подвигъ молодца казачьяго офицера не скоро изгладится изъ памяти читателей.

Когда этотъ разсказъ уже былъ въ типографіи для набора, штабсъ-ротмистръ Кибировъ рапортомъ донесъ, что 11-го іюля, при посѣщеніи госпиталя Ихъ Императорскими Высочествами Великими Княгинями Маріей Павловной и Великой Княгиней Маріей Павловной младшей съ Великими Князьями Борисомъ Владиміровичемъ и Андреемъ Владиміровичемъ, Августѣйшіе Особы осчастливили Кибирова милостивымъ вниманіемъ къ его здоровью и интересовались подробностями дѣла съ Зелимханомъ.

12-го іюля Его Императорское Величество Государь Императоръ, при посѣщеніи госпиталя, осчастливилъ Кибирова Своимъ Царскимъ вниманіемъ, освѣдомившись о здоровьѣ и милостиво одобрилъ дѣйствія штабсъ-ротмистра и обнадежилъ его въ будущемъ.

Такимъ образомъ, старая военная поговорка еще разъ подтвердилась: «За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ».

Цѣна 75 коп.

Издание журнала „Вѣстникъ Русской Конницы“.

